

**ОЛЕГ БАБЕНКО
ВИКТОР БЕЛОУС**

**ARBEIT
MACHT FREI**

БЕЗВИЗ-39

**Бабенко
Олег Александрович,**

член Национального союза краеведов Украины и Национального союза писателей Украины, лауреат областных краеведческих премий имени Владимира Ястребова (2004 г.) и литературной имени Евгения Маланюка (2013 г.). Автор и соавтор, составитель ряда книг по вопросам истории, литературы и культуры Кировоградщины. Главный редактор периодического издания «Між Бугом і Дніпром». Возглавляет Государственный архив Кировоградской области и областную организацию Национального союза краеведов Украины.

**Белоус
Виктор Борисович,**

ведущий научный сотрудник Государственного архива Кировоградской области, член Национального союза краеведов Украины, кандидат филологических наук. Автор трёх монографий, пяти сборников художественной прозы и поэзии, нескольких десятков статей в профильных журналах и СМИ. Член редколлегии венского издательства «East-West». Научные интересы: современный политический триллер; Большой террор в СССР.

Державний архів Кіровоградської області

Кіровоградське обласне відділення
пошуково-видавничого агентства
«Книга Пам'яті України»

Кіровоградська обласна організація
Національної спілки краєзнавців України

Благодійна організація
«Центрально-Українська Православна
Духовно-соціальна Академія»

*Пам'яті жертв
«Великого терору»
1937-1938 років
та злочинів більшовизму
проти людини й людяності
в інші періоди
ПРИСВЯЧУЄТЬСЯ*

**Бібліотека видання
«Між Бугом і Дніпром.
Науково-красознавчий вісник
Центральної України»**

Серія «Архівні документи свідчать»

Редколегія серії:

О.О. Бабенко (голова),
О.А. Бабенко,
к. і. н. В.Г. Берковський,
к. філол. н. В.Б. Білоус, Т.В. Гончарова,
М.В. Грач,
к. філол. н., доц. В.Т. Гребньова,
к. і. н. В.П. Колечкін,
к. філол.н. Л.М. Михида,
д. і.н., проф. В.М. Орлик,
засл. працівник культури України
І.Д. Петренко,
к. політичн. н. В.В. Резнік

Олег Бабенко
Виктор Белоус

БЕЗВИЗ-39

г. Кропивницкий
2018

ББК 63.3(4ККР-4КІР)
УДК 94(477.65)
Б 12, Б 43

*Рекомендовано до друку науково-методичною радою
Державного архіву Кіровоградської області
(протокол від 18 січня 2018 р. № 1)*

*Рецензенти: Колечкін В.П., кандидат історичних наук;
Резнік В.В., кандидат політичних наук.*

*Відповідальна за випуск Оксана Бабенко, керівник КЗ «Кіровоградське
обласне відділення Пошуково-видавничого агентства
«Книга Пам'яті України».*

Б 12 Бабенко Олег, Белоус Виктор

Безвиз-39 : [Текст] / Олег Бабенко, Виктор Белоус. – Кропивницький: Центрально-Українське видавництво, 2018. – 100 с. – (Серія «Архивные документы свидетельствуют»).

ISBN: 978-966-130-143-5

Б 43 Бабенко Олег, Білоус Віктор

Безвиз-39 : [Текст] / Олег Бабенко, Віктор Білоус. – Кропивницький: Центрально-Українське видавництво, 2018. – 100 с. – (Серія «Архівні документи свідчать»).

ISBN: 978-966-130-143-5

Йдеться про трагічну долю тих, хто після вересня 1939 р. став вимушеним переселенцем чи біженцем із т.зв. «підпольської» території України і мав необережність порівняти умови проживання простої людини в СРСР та за його межами.

За матеріалами архівних слідчих справ, що зберігаються в Державному архіві Кіровоградської області.

Для широкого кола читачів, кому небайдуже історичне минуле країни.

О трагической судьбе тех, кто после сентября 1939 г. стал вынужденным переселенцем или беженцем с территорий Украины, ранее оккупированных Польшей, и имел неосторожность сравнить условия проживания простого человека на территории СССР и за рубежом.

По материалам архивных следственных дел, хранящихся в Государственном архиве Кировоградской области.

Для широкого круга читателей, кому небезразлично историческое прошлое страны.

On tragic destinies of those, who after September 1939 had become forced migrants or refugees from Ukrainian territories, formerly occupied by Poland, and were not careful enough to compare living conditions of an ordinary person in the USSR and abroad.

Based on archival criminal cases from the State Archives of Kirovograd Region.

Intended for a wide variety of readers, who are not indifferent to the historic past of our country.

ISBN: 978-966-130-143-5

© ДАКО, 2018

© Центрально-Українське видавництво,
оригинал-макет, 2018

ЗМІСТ

Предисловие	6
Вступительная историческая справка	9
Запутанная ситуация	32
Шпион-закройщик	41
Невезучий стеклодув	46
Билеты на несостоявшуюся поездку	53
Не надо было ехать	63
А до войны оставалось 4 дня	74
Кассир-любитель	94
Послесловие	98
Afterword	99

Предисловие

Термин «безвиз» появился в активном лексиконе жителей Украины совсем недавно. Слово это обозначает либерализацию визового режима на западных, в основном, границах нашей страны. Собственно, о наших западных границах следует сказать, что они не всегда были «на замке», не всегда отделяли нас от врагов и не всегда проходили по тем пределам, где пограничные столбы стоят сейчас.

Желание пересечь кордон, сменить место жительства часто возникало под воздействием пропаганды, влияние которой сейчас неизмеримо сильнее, чем когда-либо, хотя раньше она тоже работала и довольно результативно. Наслушавшись зажигательных речей и громких лозунгов, многие граждане сопредельных стран принимали решения, которые впоследствии оказывались для них не просто неправильными, а зачастую и смертоносными.

Много тому примеров было на западных землях нынешней Украины, которые на протяжении веков после распада и заката могущества Киевской Руси принадлежали то Великому княжеству Литовскому, то королевству Польскому, то Австро-Венгерской империи, то Российской империи в разных ее временных проявлениях, то довоенной Польше. После заключения пакта Молотова-Риббентропа и с началом Второй мировой войны население этих земель пришло в состояние броуновского движения: все куда-то стремились, иногда даже не понимая зачем. Многих лиц еврейской национальности немцы выселили из Германии в Польшу; польские евреи, справедливо предчувствуя возможность репрессий, двинулись на восток; им составили компанию многие украинцы и поляки, решившие, что Советский Союз сиюминутно и радостно примет их в «дружную семью трудящихся».

Граница между СССР и Германией в тот период не была окончательно демаркирована и слабо охранялась с обеих сторон,

что позволяло (а иногда и стимулировало!) движение через неё населения. Шли контрабандисты, шпионы, авантюристы, но большею частью – обманутый пропагандой простой народ в поисках лучшей жизни. Каждый из ходяков в конце концов получил своё, хотя это полученное вряд ли было искомым, тем, за чем шли.

В поиске исторических параллелей нами частично выбраны материалы Государственного архива Кировоградской области периода 1939-40 гг. о переселенцах и беженцах с «присоединённых территорий». Содержащиеся в делах истории трагичны и неоднозначны, основное же в них – лживость официальной советской пропаганды об условиях жизни «хозяев страны» и противопоставление пропаганды мрачной и горькой реальности.

Один знакомый, участник двух «революций», заядлый рыболов. Неоднократно за столом у него на кухне доводилось смаковать рыбой, пойманной на блесну или с применением пластиковой приманки, то есть, не на наживку из вполне съедобного земляного червя или, например, мухи. Так получилось и со многими людьми, соблазнёнными яркими, но лживыми, картинками красивой жизни, с радостными лицами рабочих и колхозниц, весёлыми улыбками детей.

В тексте одной оптимистичной советской песни есть слова:

*От Москвы до самых до окраин,
С южных гор – до северных морей
Человек шагает как хозяин
Необъятной родины своей*

Многие из персонажей этой книги прошагали (ведь были и пешие этапы!) в буквальном смысле «от западных болот» до «северных морей», до тундры и тайги, поплатившись этим вынужденным (и полным драматическими и трагическими моментами!) «туризмом» за наивное, но такое нехитрое и понятное желание просто честно заработать себе и своей семье на нормальную жизнь, а возможно даже и почувствовать себя «хозяином страны» – «первого в мире государства рабочих и крестьян»...

Открыв эту книгу, читатель получает возможность войти в её мир, как в старую квартиру, с её жителями, их вещами, документами, письмами. Истории простых обитателей этой «квартиры», их вещи хранят отпечаток времени, память и следы ушедшей эпохи, того времени, когда эти вещи, предметы, документы, письма были созданы и служили. Они – свидетели той истории, о которой не всегда напишут в учебниках, но которая очень важна для нас, потому что это не просто история нашего народа, это – история нас самих.

Говорят, «что было – то прошло», но так ли это? Ведь прошлое никуда не исчезает, оно повсюду. Своей книгой мы хотим ввести читателя в большой мир, объяснить, через какие этапы прошла история страны, какое отношение к ним имеют люди со старых фотографий, авторы и адресаты пожелтевших писем. Эта книга должна стать фактором взросления читателя, проведя его через моменты счастья и горя, встреч и расставаний, потерь и надежд, которые прошли персонажи книги, переживая и таким образом творя неподдельную историю страны...

* * *

Вас удивило название книги?

Ну конечно же, ведь «безвиз» – монументальное историческое достижение нашего времени! Сам термин был даже внесён в словарь «Мыслово» как ключевое слово 2017 года! Правда, если быть объективными, то после недолгой эйфории народ вспомнил бородатый анекдот о том, что «кто в шубе ходил – тот и ходить будет», привычно вздохнул и по поводу безвизовых поездок успокоился: деньги-то на вояжи с целью посещения Венской оперы всё равно не у всех есть!

Безвизовый же въезд-выезд упомянут в названии данной книги только лишь в связи с тем, что 70 лет назад им пришлось воспользоваться массам людей. Воспользоваться не по своей воле, а в силу трагических обстоятельств, повлиять на которые они никак не могли. Толпы народа, мелкие группы и отчаянные одиночки перемещались через государственные рубежи, рискуя

здоровьем и жизнью, теряя имущество и деньги, свободу, семьи и родные корни.

Для того, чтобы читателю было проще понять военно-политическую и экономическую ситуацию того сложного времени, заложниками которой оказались персонажи книги, потребуется достаточно объёмная **вступительная историческая справка**, читать которую, впрочем, знающим людям необязательно.

Вступительная историческая справка

После Первой мировой войны (1914-1918 гг.) мир недосчитался сразу нескольких великих империй: Оттоманской, Австро-Венгерской, Российской, крепко досталось и Британской. Осколки империй объявили себя независимыми государствами, немного передохнули и стали укрепляться. Одной из таких стран стала Польша, история которой на протяжении многих веков знавала и взлёты, и катастрофические падения.

Игорь Деревьяный, историк, научный сотрудник Национального музея-мемориала жертв оккупационных режимов «Тюрьма на Лонцкого»; пишет в издании «Исторична правда»*:

«1 ноября 1918 года на руинах Австро-Венгерской империи во Львове возникло украинское государство – Западно-Украинская Народная Республика, которая в свой день рождения начала войну против поляков, хотевших взять под контроль Галицию.

Польское восстание во Львове получило поддержку от правительства новосозданной Второй Речи Посполитой Польской и переросло в межгосударственную войну», которая привела к аннексии западнорусских территорий.

Воспользовавшись помощью, вооружением и людскими ресурсами со стороны Антанты, поляки 21 апреля 1919 года заняли

* Режим доступа: uargumentum@gmail.com

Вильно, 8 августа – Минск, а 28 августа – Бобруйск, фактически разбив значительно уступавшие им по численности советские войска. Однако в начале сентября 1919 польское руководство прекратило наступление, вступив в Барановичах, Беловеже и Макашевичах в тайные переговоры с советской делегацией под руководством Ю. Мархлевского.

От Пилсудского в это время ждали наступления на Красную армию в направлении Мозырь-Гомель для соединения с деникинскими войсками. Однако, по неофициальному соглашению с Лениным, военные действия были прекращены польской стороной, дабы «не допустить, чтобы реакция восторжествовала в России». Причиной этому послужило наступление армии генерала А.И. Деникина, находившегося в 120 км от Гомеля и стремительно продвигавшегося к Москве. Это позволило Советскому руководству снять 43 тысячи штыков и сабель, перебросить их против Белой армии и, в конечном итоге, разгромить её.

По мнению некоторых историков, *«Пилсудский был последовательным врагом России, как национальной, так и советской. Целью его политики было ослабление нашей страны любой ценой. По его мнению, наносить наиболее разрушительные удары по России необходимо было «пока она не оправилась от безумств революции».* Поэтому, дождавшись момента, когда Россия, разделившись на красных и белых, обескровливала себя в братоубийственной гражданской войне, поляки 25 апреля 1920 года начали наступление на Советскую Украину, которую тоже решили включить в состав своих владений»*.

На соседней территории, в Советской России, Польшу иначе, как «белопанская», не называли, и тоже решили преподать ей урок, а заодно и принести на территорию Европы «ценности» коммунизма. В своём приказе № 1423 от 2 июля 1920 года командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский писал: *«Бойцы рабочей революции. Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой*

* Игорь Гуров. Режим доступа: [tps://zapadrus.su/slavm/ispubsm/317-xx-38.html](https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/317-xx-38.html)

«К оружию!»

Польский агитационный плакат.

*Надпись внизу: «Давайте спасём Родину!
Давайте хорошо помнить о нашей будущей судьбе».*

*Польша лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! Крепительным битвам, к громозвучным победам! Стройтесь в боевые колонны! Пробил час наступления. На Вильну, Минск, Варшаву – марш!»**.*

Приказ командующего Западным фронтом Тухачевского уже от 20 августа 1920 года был не таким оптимистичным и гласил:

*«Солдат Красной Армии! Прикрываясь лживым стремлением к миру, польские белогвардейцы готовили нам удар на линии реки Вислы. Изнуренные героическим маршем от Полоцка до Варшавы части Красной Армии отходят под давлением превосходных сил врага. Белогвардейцы всего мира ликуют по случаю нашей временной неудачи»***.*

В ночь на 18 августа Тухачевский приказывает прекратить наступательные действия и «отрываться от противника» (читай «бежать»!). Впрочем, в данном приказе уже не было необходимости. Войска Западного фронта ещё 17 августа начали отступать. В это время в Минске по инициативе польской стороны проходили мирные переговоры. Однако они были сорваны: 23 августа польская сторона заявила о прекращении переговоров.

Поражение Западного фронта было тяжелейшим. Точные потери неизвестны, но даже по самым заниженным оценкам в ходе Варшавского сражения погибли 25 тысяч красноармейцев, 60 тысяч попали в польский плен и 45 тысяч были интернированы немцами. Несколько тысяч человек пропали без вести. Помимо людей, фронт потерял 231 орудие, 1023 пулемета, несколько тысяч лошадей, 10 тысяч обозов с амуницией, 200 полевых кухонь и огромное количество автомобилей (включая и бронемашину). Польские потери тоже весьма ощутимы – 4,5 тысячи убитых, 22 тысячи раненых и 10 тысяч пропавших без вести.

** [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0_\(1920\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0_(1920))

*** Там же.

«Неудачный для советских войск исход битвы под Варшавой привёл к заключению Рижского мирного договора, по которому в составе Польши оказались значительные западно-украинские и западно-белорусские территории с преобладающим непольским населением, получившие название «Всхидны крэсы» («Восточные окраины») общей площадью свыше 200 тысяч кв.км. В составе новообразованной Польши оказались в 1920 году такие этнические белорусские территории, как Виленщина, Гродненщина, Подлясье (Белосточчина), Полесье, а также украинские Холмищина, Волинь, Восточная Галиция, Посанье и Лемковщина (Подкарпатская Русь)»*.

«По официальным данным, в польский плен в ходе двух военных компаний – 1919 г. и 1920 г. попало свыше 207 тысяч советских военнослужащих. Кроме того, в октябре 1919 года в польских тюрьмах и концлагерях находилось свыше 20 тысяч штатских лиц из «восточных земель»**. Судьба всех их была трагичной.

Из числа оказавшихся в 1920 году (их количество оценивается согласно разным источникам от 100 до 130 тысяч человек) в польском плену из-за нечеловеческих условий содержания в концлагерях и тюрьмах погибло от 45 до 60 тысяч военнопленных^{1,2}.

Начальник 11 отдела Генерального штаба польской армии И. Матушевский утверждал, что в одном только лагере в Тухоле «умерло около 22 000 пленных красноармейцев». Даже 2-й отдел ГКВП, после проверки лагеря подготовил в октябре 1920 года специальное письмо в военное министерство, в котором подчеркивалось, что если положение военнопленных не будет немедленно улучшено, то «более чем 100 тысячная масса русских

* Игорь Гуров. Режим доступа: <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/317-xx-38.html>

** Иностранная интервенция в Белоруссии, 1917 – 19. – Мн., 1990 г., с. 247.

¹ Райский Н. С. Польско-советская война 1919-1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. – М., 1999. – С. 14.

² «Военно-исторический журнал», 2001 г., № 2;

военнопленных после возвращения домой может в будущем стать кадром антипольских агитаторов, непримиримых в своей ненависти к Польше и всему польскому»³. Лишь в марте 1921 года военнопленных начали возвращать в Россию. «К середине октября 1921 года этот процесс был в основном завершен. Но до возвращения в Россию дожило лишь 66, 8 тысяч человек»⁴.

Тогдашний лидер Польши Ю. Пилсудский активно поддержал работу римско-католического духовенства против православия на территории восточнославянских областей, оккупированных Польшей. «Уже в 1919 году при поддержке административных органов развернулась кампания насильственных захватов православных храмов и монастырей, разрушению и запечатыванию церквей, разграблению церковного имущества. 22 октября 1919 года Генеральным Комиссаром Восточных земель и фронта было принято распоряжение № 25 о «ревиндикации» (т.е. возвращении прежним владельцам) православных церквей, которые в прошлом хоть на короткий срок принадлежали униатам, а затем, вместе с прихожанами и священниками, воссоединились с Православной Церковью. Только за год по этому распоряжению у православных официально было отобрано 497 храмов (в первую очередь на Холмщине)⁵. При этом православных духовных лиц выгоняли на улицу, а в зданиях церковных школ помещали польские школы, куда направляли учителей из Центральной Польши. Новая власть беспощадно и грубо грабила православное население, ставшее бесправным и беззащитным в католической стране. Польская полиция разгоняла православный народ, собиравшийся перед храмами в дни двенадцатых и больших праздников. В ряде местностей дело даже доходило до кровавых столкновений»⁶.

³ Райский Н. С. Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. – М., 1999. – С. 133.

⁴ <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/317-xx-38.html>;

⁵ А. Попов «Пора проснуться. Гонение на православие и русских в Польше в XX веке», С-Пб., 1993. – С. 22;

⁶ А.К. Свитич «Православная Церковь в Польше и её автокефалия» – в сб. «Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917 – 1950 г.г.», М., 1997 г. с. 95.

Характер оккупационной власти историки определяют по следующим критериям:

- установление контроля над территорией путем военной интервенции;
- проведение политики (в сферах политической, экономической, культурной жизни) на захваченных землях в интересах оккупационных властей;
- подавление национальных выступлений местного населения на оккупированной территории силовыми методами (создание оперативных спецподразделений, использование регулярной армии, сети спецучреждений пенитенциарной системы);
- целенаправленная политика национальной ассимиляции;
- ограничение доступа жителей оккупированной территории к высшим государственным должностям;
- депортации местного населения оккупированных территорий;
- привлечение местного населения к службе в вооруженных силах государства-окупанта.

В 1920 г. польской властью была проведена нелегитимная перепись населения Западной Украины с целью призыва украинцев в 1921 г. на службу в Войско Польское.

С марта 1920 года в официальное делопроизводство был введен термин «Малопольске Восточне» и запрещено употребление названия Западная Украина.

Также вместо этнонима «украинец» ввели древнее определение времен Речи Посполитой – «русин», «русски» и «русиньски».

В органах местного самоуправления путем усложнения процедуры выборов согласно закону от 23 марта 1933 года было ограничено количество украинцев.

Наложены запрет и ограничения на деятельность украинских общественно-политических, культурно-образовательных и спортивных организаций и обществ: «Пласт» запретили в 1928 г. на Волыни, а в 1930 г. – в Галичине, общество «Сич» – в 1924 г.,

деятельность «Сокола» – ограничили только территорией Галичины.

Состоялись многочисленные погромы «Провіти» во время политики пацификации (дословно «умиротворения») 1930 г., установлен жесткий контроль за деятельностью образовательного общества «Рідна школа».

А вот как это выглядело на практике.

Пацификация украинцев, 1934 год.

Фото с сайта польских исследователей. В комментариях пишут, что среди людей в форме есть и полиция, и военные.

Для проведения судопроизводства в Польском государстве было введено несколько видов судов.

С 1918 г. существовали чрезвычайные военно-полевые суды (*sąd dowódny*), по тогдашней терминологии их называли «наглыми судами» (быстрыми судами).

«Наглые суды» просуществовали до 1934 г. Рассматривали дела и выносили приговоры в течение 12 часов, а апелляцию можно было подать в течение 24 часов (в Великопольше – в течение 48-ми).

«Советская Украина» писала 18 сентября 1939 года: «Лишь 1% электроэнергии, вырабатываемой в Польше, приходится на Западную Украину и Западную Белоруссию. Украинские и белорусские земли утопали во мраке. Зато тюрем на одной только Западной Украине было свыше половины от общего их числа во всей Польше – 187 из 330..., три четверти всех казней в Польше приходилось на «восточные кресы»... Кровавые «пацификации», т.е. массовое истребление украинских и белорусских крестьян стали на «кресах» бытовым явлением. Только во время «пацификаций» 1930-31 гг. в Западной Украине было сожжено и разграблено 800 сел, сотни крестьян были заперты насмерть, многие тысячи изувечены»...

Даже официальное польское агентство (ПАТ) сообщило тогда с фронта военных действий против украинских крестьян: *«Население района Подгаен (сейчас с. Подгайное Ровенской области) сбежало из страха перед карательными отрядами в леса, где оно пребывает до сих пор... В итоге пацификации 1937 г. в Ярославском уезде Львовского воеводства не осталось ни одной деревни, где бы не были убиты несколько крестьян. Целые деревни и районы убежали в леса».*

«Советская Украина» привела факты насильственной колонизации, проводившейся в «восточных кресах»: «Депутат Великанович в своей парламентской речи, опубликованной в газете «Діло» от 12 февраля 1935 года, привел следующие данные: в момент создания польского государства на территории Западной Украины имелось 3600 украинских школ. В 1934-35 учебном году, по официальным данным, их оставалось 457, причем и в этих школах преподавание истории и географии, а иногда и других предметов велось только на польском языке. В 1919 году на Волини имелось 1050 украинских школ, а в 1936 году – только 5... В Галиции только 5% детей учатся на родном языке, а на Волини, в Полесье, Холмщине только 0,02% украинских детей обучается на родном языке».

Можно было бы назвать это советской пропагандой, но вот что говорилось в резолюции съезда украинцев в Канаде в 1924

году: «Только в Галиции польско-шляхетская власть закрыла 682 народные школы, 3 учительские семинарии и 7 частных гимназий... В украинских провинциях Волыни и Полесья, где есть только 8% польского населения, из 2694 народных школ только 400 украинских и те беспощадно колонизируются»⁷.

Ещё в 1927 году депутат английского парламента лейборист Бекет, побывавший в Западной Украине, писал:

*«Мы посетили Владимир (Вольнский) на Западной Украине. Я знаю Индию, и вы, разумеется, слышали о страшной нищете индийских деревень. Но никогда мне не приходилось видеть такую угнетающую и отчаянную нищету... Теперь нам становится понятным, почему Польша содержит столь многочисленную армию»*⁸ [3].

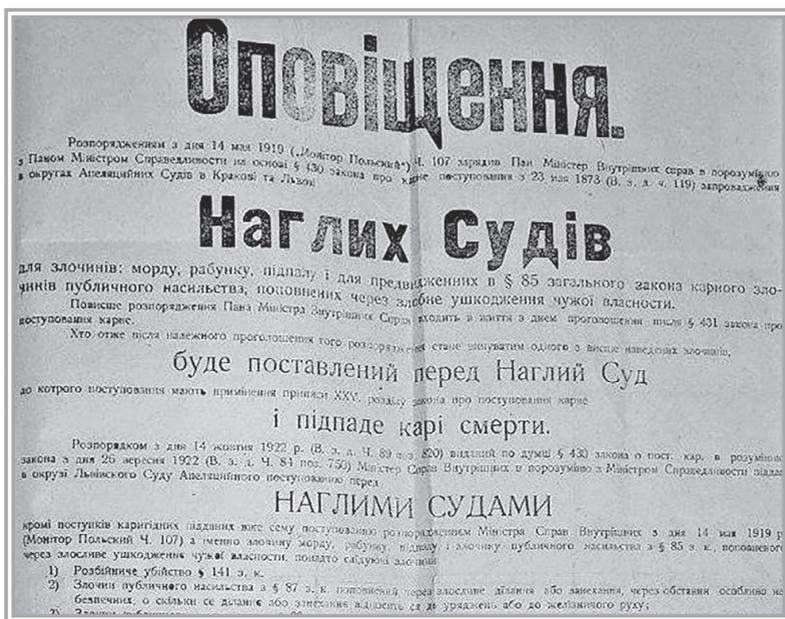
Анализируя поведение польских властей, генерал А.И. Деникин отмечал: «Все перлы предреволюционной русификации бледнеют совершенно, если перелистать несколько страниц истории, перед жестоким и диким прессом колонизации, придавившим впоследствии русские земли, отошедшие к Польше по Рижскому договору (1921 г.). Поляки начали искоренять в них всякие признаки русской культуры и гражданственности, упразднили вовсе русскую школу и особенно ополчились на русскую церковь. Польский язык стал официальным в её делопроизводстве, в преподавании Закона Божия, в церковных проповедях и местами в богослужении. Мало того, началось закрытие и разрушение храмов: Варшавский кафедральный Свято-Александро-Невский собор – художественный образец русского зодчества был взорван (в 1926 г.); в течение одного месяца в 1927 году было разрушено правительственными агентами 114 православных церквей – с кощунственным поруганием святынь, с насилиями и арестами священников и верных прихожан. Сам католический примас Польши в день святой Пасхи в архипастырском послании призывал католиков в борьбе с православием «Идти следами фанатичных безумцев апостольских...» Отплатили нам поляки, можно сказать с лихвою!»⁹.

⁷ Бумажная Украина 1939-го: война газет.

⁸ Бернар Лекаш, «Польша без маски», Ленинград, 1928., стр. 126.

⁹ А.И. Деникин, «Путь русского офицера», М., 1991 г., с. 20-21.

Позволим себе предположить, что часть возвращённых из польского плена, а также лиц, лишённых своей исконной религии и права получать образование на родном языке действительно могла стать и стала «кадром антипольских агитаторов, неприемлимых в своей ненависти к Польше и всему польскому». Можно ли с достаточно чистой совестью обвинять этих людей в их последующих враждебных действиях против лиц польской национальности?

Объявления для украинцев

о расширении полномочий деятельности «наглых судов» в Галиции от 10 ноября 1922 года.

В газетах того времени часто упоминается лорд Керзон и так называемая «линия Керзона». Поясним это понятие для современного читателя. Линия «названа по имени Дж. Н. Керзона (1859-1925) – британского государственного деятеля, дипломата, министра иностранных дел в 1919-1924 годах. Речь идет о границе между Польшей и Советской Россией. Линия Керзона

Карта УССР, 1931 год.

проходила через Гродно – Ярловку – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Устилуг, восточнее Грубешиова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. В ходе советско-польской войны 1920 года эта линия была рекомендована Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши, и Дж. Керзон в ноте советскому правительству требовал прекратить наступление Красной Армии на этой линии, что не было принято. Однако после резкого изменения ситуации в ходе советско-польской войны, когда части Красной Армии были отброшены от Варшавы и стремительно откатывались на восток, советское правительство согласилось на установление границы по «линии Керзона», но изменилась позиция польской стороны, и по Рижскому мирному договору 1921 года граница между двумя

Польша в 1939 году.

странами была установлена значительно восточнее «линии Керзона». В 1945 году, согласно договору между Польшей и СССР, была установлена новая граница, в целом соответствующая «линии Керзона»¹⁰.

Переходя к описанию ситуации 1939-40 гг., приведём известную многим нашим читателям историческую информацию. Возможно, она небесспорна, однако в целом описывает фон событий.

¹⁰ http://krotov.info/libr_min/24_ch/er/naya_kn_05.htm

«Агрессивная политика нацистской Германии, завоевание ею нескольких европейских стран, провал советских инициатив по коллективной безопасности, политика «умиротворения» агрессора, авторами которой были Великобритания и Франция, привели к изменениям внешнеполитического курса СССР. 23 августа 1939 г. между Германией и СССР был подписан пакт о ненападении (по фамилиям министров иностранных дел, подписавшие этот документ его называли пактом Молотова-Риббентропа). Известные теперь секретные дополнительные протоколы к этому документу свидетельствуют о договоренности Гитлера и Сталина относительно раздела сфер влияния в Европе.

Разобитенность украинских земель были не только трагедией украинской нации, а одним из составляющих факторов напряженности в Европе. Гитлер не собирался решать украинский вопрос, он рассматривал Украину как плацдарм для завоевания СССР, а затем и всего Востока.

Согласно положениям секретного дополнительного протокола о разделе сфер влияния между Германией и СССР, 17 сентября 1939 г. советские войска вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, которые с 1921 г., согласно положениям Рижского мирного договора, находились под властью Польши.

Границу между территориями, которые контролировала в Польше Красная армия, и захваченными Германией польскими территориями уточнил подписанный 28 сентября 1939 г. СССР и Германией договор «О дружбе и государственной границе». Согласно секретному протоколу к этому договору в сферу влияния СССР переходили также Литва и Северная Буковина.

Западно-украинское население с энтузиазмом и надеждой встречало Красную армию. Этому способствовало несколько факторов:

- ♦ советская официальная пропаганда объясняла переход польско-советской границы войсками Красной армии стремлением предотвратить оккупацию края нацистами; в условиях, когда население ничего не знало о тайных соглашениях между СССР и*

*Западно-украинское население с энтузиазмом
и надеждой встречало Красную армию.*

Германией, советская пропаганда имела определенный психологический эффект;

- ♦ поляки, отступая под натиском германских и советских войск, часто сгоняли свою злость на гражданском украинском населении, не останавливаясь перед убийствами мирных жителей;
- ♦ западные украинцы издавна стремились к соединению со своими восточно-украинскими братьями, а ненависть к польскому оккупационному режиму охватывала большинство западно-украинского населения.

Советский агитационный плакат, адресованный жителям Западной Украины, призвал присоединиться к УССР, «свободной» и «цветущей» советской республики.

26-27 октября 1939 г. во Львове состоялось заседание Народного собрания Западной Украины. Народное собрание, выражая «единодушную волю освобожденного народа», проголосовало за установление Советской власти на территории Западной Украины и приняло декларацию о вхождении Западной Украины в состав УССР. На основе обращения Народного собрания Западной Украины V внеочередная сессия Верховного Совета СССР 1 ноября 1939 г. приняла закон о включении Западной Украины в состав СССР и воссоединении ее с УССР. 15 ноября III внеочередная сессия Верховного Совета РСФСР

приняла закон о принятии Западной Украины в состав УССР.

Присоединение к УССР земель Западной Украины, Северной Буковины и части Бессарабии было непосредственным следствием пакта Молотова-Риббентропа. Это соглашение было заключено в нарушение всех норм международного права. Но для украинского народа очень большое значение имело то, что **почти все земли Украины** объединились в пределах одного государства.

*Западная Украина в границах от 3 октября 1939 года
на политико-административной карте СССР
от 3 марта 1940 года.*

С присоединением к СССР земель Западной Украины, Северной Буковины и части Бессарабии, входивших ранее в состав Польши и Румынии, началась их советизация.

Советизация новых земель – это изменения во всех сферах жизни в соответствии с произведенных в Приднепровской Украине образцов; осуществление комплекса мероприятий для утверждения «социалистических принципов», которые господствовали в СССР в экономике, политике и духовной жизни.

Некоторые действия новой власти вызвали одобрение населения:

- расширение сети украинских школ;
- улучшение жилищных условий и медицинского обслуживания;
- национализация, которая сначала не затронула интересы украинского населения, потому что торговля и крупная промышленность были в руках поляков.

Но вскоре население почувствовало и негативные последствия деятельности новой власти:

- насильственная коллективизация;
- ликвидация деятельности политических партий, общественных организаций, «Просвіти»;
- террор в отношении противников Советской власти»¹¹.

Так соглашение между Сталиным и Гитлером позволило, наконец, присоединить к СССР западно-украинские земли (остальная Украина была под Советами еще с 1918-1920 гг.), после чего жители этих территорий получили возможность ощутить на себе все «счастье» жизни в СССР. В советской историографии эти события получили название «золотой сентябрь».

Справедливости ради скажем, что, бесспорно, в начале «советизации» Западной Украины (1939-1941 гг.) нельзя не заметить очевидный позитив – наконец произошло объединение украинских земель в одном государстве. Среди дальнейших сдвигов – индустриализация, развитие промышленности региона (в прошлом лишь аграрно-сырьевого придатка Польши),

¹⁰ Конспект лекций по истории Украины: Гавриленко И.М. История Украины от древнейших времен I К XXI: Л.И.; Кормич В.В. Багацкий Очерки по истории Украины; Василий Верига Актуальные Проблемы Истории Украины; Курс Лекций Дистанционный Курс Истории Украины: Г. Г. Кривчик, С. Г. Руденко.

украинизация образования, увеличение количества украинских школ и вузов, поступление из восточных областей Украины литературы на украинском языке. Развивалось медицинское обслуживание, велась борьба с безработицей, был введен 8-часовой рабочий день и т.п.

О вхождении 70 лет назад Красной армии в Галичину украинские газеты писали с восторгом.

«От Советского правительства нельзя требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белоруссов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу». Эти слова глава Советского правительства Вячеслав Молотов произносил 17 сентября 1939 года – в тот момент, когда войска Красной армии уже перешли границу Польши и начали операцию, которая впо-

следствии стала называться «Воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с УССР и БССР».

Вопреки расхожему нынче мнению, что у Советского Союза существовал четкий план помощи Германии в ее войне с Польшей, факты свидетельствуют: СССР не спешил спасти «брошенных на волю случая единокровных братьев». Первая статья в официальном органе украинского ЦК «Советской Украине», с которой началась агиткампания, оправдывающая присоединение Западной Украины, появилась лишь 18 сентября, то есть на следующий день после начала самой операции. Впрочем, причину опоздания объяснил 17 сентября сам Молотов: *«Никто не мог думать, что польское государство обнаружит такое бессилие и такой быстрый развал, какой теперь уже имеет место во всей Польше»*.

Вместе с тем с первых же часов установления московской власти стало понятно – тамошним жителям она принесла не свободу и возможность создать украинское государство, а «счастливую жизнь» при советском правлении. Прекратили свое существование все политические партии, а вместе с ними и другие учреждения, даже неполитического характера, – например, «Просвіта», Научное общество им. Т. Шевченко. Целенаправленно ликвидировали свободную украинскую прессу, ввели тотальную политическую цензуру, обязательное изучение русского языка. В тоннах завезенных учебников напрасно было искать научный подход. Образовательную функцию полностью подчинили пропагандистской. Миллионными тиражами печатали выдуманные биографии вождей и многочисленных «героев», которым приписывали несуществующие добродетели, таланты и подвиги.

Показательно, что вслед за Красной армией уже в сентябре 1939 г. в Западную Украину были отправлены 22 передвижные киноустановки с набором классики советской пропаганды: «Ленин в 1918-м», «Чапаев», «Щорс», «Танкисты» и др. В солидных томах доказывались неслыханные преимущества командно-административной системы и беспрецедентные

экономические достижения под руководством Коммунистической партии. Науку же, прежде всего историческую, наоборот, сознательно уничтожали.

Репрессиям подвергали ведущих ученых мирового уровня. Аресты приобрели массовый характер. Под удар попали политики, общественные деятели, священники, "кулаки" и другие слои населения. Показательно, что еще 8 сентября 1939 г. (задолго до вступления СССР во Вторую мировую войну) Л. Берия отдал приказ, согласно которому нарком НКВД УССР И. Серов должен был организовать опергруппы НКВД. Их заданием, кроме прочего, должна была быть зачистка "освобожденных" регионов от «антисоветского элемента».

С началом войны, несмотря на то, что в помощь спецгруппам НКВД из состава КОВО (Киевский особый военный округ, прим. авт.) выделили несколько дополнительных батальонов численностью 300 бойцов в каждом, И. Серов попросил Л. Берия позволить создать новые группы и увеличить штат карателей в уже имеющихся. Каких именно зачисток требовали от бойцов этих спецгрупп и батальонов, характеризует циничное замечание первого секретаря ЦК КП(б)У Н. Хрущева начальнику особого отдела Украинского фронта А. Михееву: «Что это за работа, когда нет ни одного расстрелянного». Так прямо и вполне конкретно была определена линия партии в Западной Украине. Чекистам пришлось срочно «исправлять показатели». Михеев оправдывался: «В Золочеве расстреляны 12 человек».

С первых же дней Советская власть составляла списки «ненадежного», «враждебного» элемента. Довольно часто бессмысленного доноса было достаточно для уничтожения человека. Абсурдного сообщения вполне хватало, чтобы человек исчез навсегда. Как правило, все обвинения помещались в несколько предложений, а часто даже слов, например: «Бухбанд – бывший владелец магазина», «Бадер – владелец магазина», приговор Адольфу Нойсу вообще состоял из одного слова – купец.

Уже за первые неполные полтора месяца были арестованы тысячи офицеров, работников полиции, чиновников и др.

Страшный удар был нанесен по галицкой интеллигенции. В Западную Украину в конце 1939 г. отправили тысячи партийных функционеров, пропагандистов-активистов и профессиональных борцов с «врагами». В частности, только из Ленинграда прибыли «для усиления» 60 работников руководящего состава НКВД. Из Саратова – 40, Смоленска – 50, Рязани – 30, Воронежа – 40 «бойцов невидимого фронта»... Не отставали и другие регионы страны: 250 работников – из особых отделов НКВД КОВО, 100 – из пограничных округов, а также 150 выпускников чекистских школ республики.

Одним из первых шагов новой власти была проверка начисления пенсии. 14 декабря 1939 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О выплате пенсий пенсионерам бывшей Западной Украины». Как результат – уже в первые месяцы только во Львове лишили пенсионных выплат более 4300 человек: бывших полицейских, чиновников, судей, «служителей культа» и т.п. Фактически такие действия (оставление пожилых, больных людей без средств к существованию) были не менее смертельным приговором, чем пуля в подвалах НКВД. Как правило, вслед за лишением социальных выплат от человека требовали немедленно освободить и жилье. Большинство этих пенсионеров закончили свою жизнь в приютах для немощных и инвалидов.

Так эти несчастные люди, в отношении которых проявили «гуманизм» (их не расстреляли и не выслали в Сибирь, их нет в списках репрессированных, они не вошли в какую-либо статистику преступлений коммунистического режима), тоже стали невинными жертвами сталинского режима. Поэтому понятно, что население встречало новую власть неоднозначно. Например, Мария Савчин так описывала те события в своих воспоминаниях: «Первое появление Красной армии село встретило с беспоконной неуверенностью. Люди не выходили на дорогу, только из дворов и окон присматривались к танковой части... Польша не существовала, и мы о ней не жалели, но большевицкая оккупация еще и этой части Украины угрожала не меньшей, а еще большей бедой. Я уже слышала о большом голоде в 1933 г., ко-

торый выморил Украину, о красном терроре, жертвами которого пали миллионы крестьян и интеллигентов».

Справедливости ради заметим, что после раздела Польши десятки тысяч людей из немецкой зоны перешли на территорию СССР. В основном – либо евреи, бежавшие от фашистов, либо украинцы, которые думали, что наконец-то будут жить в своем государстве. Были и такие, кто искренне верил советской пропаганде о построении «нового», «счастливого», действительно «золотого» общества. Именно для этой категории людей встреча с реальностью стала чрезвычайно болезненной. Большинство переселенцев вывезли либо в далекие северные уголки Советского Союза, либо на тяжелые работы на шахтах Донбасса.

Вскоре даже идейные коммунисты поняли, как разительно жизнь в СССР отличается от рекламных манифестов. Протрезвление наступило очень быстро. Доведенный до отчаяния разницей между обещанным обществом будущего и тоталитарно-террористическими реалиями жизни переселенец Михаил Андрющенко, бывший житель Холма, сознательный коммунист, в присутствии нескольких рабочих гневно воскликнул: *«Я думал, что в Советском Союзе строят коммунизм, а оно выходит наоборот – строят антагонизм. Я в Польше работал по 12 часов, зарабатывал больше и мог прожить полгода, проработав лишь один месяц. В Советском Союзе жить хуже, чем в Польше. Лучше я в тюрьме буду сидеть, чем в Советском Союзе жить»*. Такие настроения были характерны для переселенцев с польских территорий.

...Как уже говорилось, в советские времена оккупацию Западной Украины называли «золотым сентябрем», долгожданным «освобождением». Некоторая доля правды в этом, бесспорно, была. Людей «освобождали» от своих квартир, имущества, пенсий, культуры, языка, гражданских прав и свобод. А многим жителям Западной Украины за «золото» сентября 1939 г. пришлось заплатить самым дорогим – собственной жизнью»¹².

¹² Кротовое «золото» сентября 1939-го. Советизация Западной Украины «Зеркало недели. Украина» №33, 11 сентября 2015.

30 июля 1941 года премьер-министром польского правительства в изгнании генералом Владиславом Сикорским и послом СССР в Великобритании И.М. Майским в здании МИД Великобритании в присутствии британского министра иностранных дел Э. Идена и премьер-министра У. Черчилля был подписан договор, в соответствии с которым, в частности, всем польским военнопленным и содержащимся в заключении гражданским лицам предоставлялась амнистия. Многие из названных лиц остались на жительстве в глубинных районах СССР, таким образом сохранив себе жизнь.

* * *

Вы устали от выдержек из газет и умных книг?

Дальше вас ожидают прокомментированные авторами цитаты из отдельных архивных следственных дел, хранящихся в Государственном архиве Кировоградской области. Это дела на лиц, которые в период описанных выше событий без паспортов и виз пересекали вновь возникшие границы. Такой «безвиз» для многих из них закончился плачевно. Правдивый рассказ о «золотом сентябре» 1939 года, показ произошедшего через призму восприятия обычного простого человека стал возможен только в условиях демократизации нашего общества.

Запутанная ситуация

АЛЬБЕРГ Р.И., Д.12120-П

Пытаться переводить имена и фамилии – дело неблагодарное, однако в нашем случае – нелишнее, ибо зовут нашего героя Рубин Айльберг (Rubin Eilberg). Ну, «рубин» – он всегда и везде есть драгоценный камень, а «eilen» по-немецки «торопиться, спешить», «Eile» – «спешка». Наш «драгоценный» Рубин родился в Польше в 1909 году в городке Ульянов Люблинского воеводства, закончил 8 классов и помогал отцу, ку-

старю-корзинщику. Когда осенью 1939 года немецкая авиация стала бомбить Ульянов, Рубин, прихватив из дому некоторую сумму денег, поспешил перебраться подальше от шума к тётке, Гамм Хане, в г. Любачев, расположенный на территории, отошедшей к Советскому Союзу.

Нашёл ли он там работу и как ему жилось – неизвестно, однако в марте 1940 года заторопился он назад в Ульянов, как сам пояснил, *«чтобы доставить родственникам деньги, находящиеся у меня»* [л.д.14]. Подробное описание этого путешествия находим в материалах уголовного дела № 12120-п, хранящегося в Государственном архиве Кировоградской области: *«12 марта 1940 года я вышел из города Любачева по направлению г. Синявы, куда пришёл вечером.*

В городе Синяве я встретил человека, ехавшего санками одной коняжкой чёрного цвета, последнего я спросил, куда он держит направление, на что получил ответ, что к селу Добра, расположенному вблизи границы.

Последнему я сообщил, что имею желание перейти госграницу на территорию Германии, после этого он посадил меня в санки и привёз к себе в с. Добра. Это уже было вечером. Закрыв в сарай и через некоторое время вынес мне белый халат и велел его надеть. За всё это потребовал 150 злотых – я уплатил. Потом он мне показал направление, по которому я должен двигаться, чтобы перейти границу. Я пошёл и вскоре был задержан пограничниками» [л.д.12-13].

В рапорте на имя коменданта 1-го участка капитана Савченко начальник 1-ой заставы ст. л-т Ритченко указывает: *«Задержание произошло в 21-55 у погранзнака 050 правее с. Добра 100 м. Задержанный двигался по полю метров 600. Нарядом был услышан шорох, но нарушитель не был виден, так как он маскировался белым халатом. Пограничники правильно оценили обстановку, бросились к линии границы и отрезали путь к линии госграницы, где и задержали на линии госграницы.*

Задержанный имел при себе деньги (польской валютой), зашитые в пальто в рукава, в тужурке и в кальсонах под носками.

Напикнессной крестом доктором Обвинили
 Алаберт Рубин Исакowitz
 07 Октя 1940 года
 Кировград
 Вопросы: С. следователю, следствии № 411022
 серпану телевизионности Клевториско
 Вопросы: Вопрос: Принадлежит ли
 во себя виновности в предвешенном обвин
 нем по ст. 16-80 ч. 1 Укр. м. с. фамилии
 ной перенос государственной границы из
 ССР на территорию Германии?
 Ответ: Да, принадле
 жает.
 Вопросы: Вопрос: Не имеет ли Вы
 право говорить по делу Ваших друзей?
 Ответ: Больше говорить
 не могу. Внимательно слушаю и не буду
 ничего пропускать и тем и раскрываю.
 Силберг
 Вопросы: С. следователю, следствии № 411022
 серпану телевизионности
 Александрович

Коллежисту 1го участка
каторжану п. Свешко

16

При том каторжану задержанного каторжанца
Андерс Гудт Исаксон, 1909 г. рождения по каторжанству
т сред шир от СВЕР 1 Термашко.

Задержан пограб-карьер 1 светом пограбленным
Богосмолов и Волчок.

Задержанного произошло 1 2/1^{1/2} у пограб-карьер
1 прали в с. Дабр. 100м.

Задержанного светом по помо котро 600
сроча был уелтисае шорок но каторжанца и
1 Вуен там как мажирала, бема хвоста
бограбленным пралино оцели абтаности бросили
лиши срашиси и отруели пути к лиши
с-срашиси су и доержан но лиши сос-граши
задержант имел при себе рента (полный в
отт) рашитис 1 налт 1 ружога, 1 тутор
1 катвоина по носкам. Всего рашит око-
лоа 3840 рашит (бушатис) 1 кармашит по
лиши билет. катан 1 ш. и твимо но пол-
коа зри.

Задержант сразу по прибытии на работу
перешел к каторжанцу ружога зри и там
поли поштор-звовой бсега приреша, от
с с. Дабр. 1 Термашко.

1 Шесонца, у него рента уелтисае и от
лиши, это они у него зри.

При задержант кога пограб-карьер, рашитис

ПРОТОКОЛ ЗАДЕРЖАНИЯ-ОПРОСА

№ 29

14. марта

1940 г.

поставил с. Давло

погр. отр. г. Перемышль.

(№№ заставы, комендатуры и погранотряда не указываются, пишется присвоенное им наименование)

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия, имя, отчество задержанного	Антверп Гудит Исескович
2. Время и место рождения	1909 г. г. Угловое Анновское поле Новоселовского волеводства.
3. Место постоянного жительства до перехода границы	г. Угловое
4. Национальность	еврей
5. Подданство, родной язык и знание др. языков	Германско-польский, еврейский.
6. Образование, социальное положение и основания профессии	8 классов. по профессии портфель
7. Принадлежность к партии (раньше и теперь)	нет.
8. Где, когда и при каких обстоятельствах произведено задержание	При переходе в Термашиню по ССР.
9. Какие документы и вещи обнаружены при досмотре задержанного	Военный билет таблетка и половина утки под карманом 1 рубль.
10. Сумма обнаруженных денег (в какой валюте)	3840 злотых польской валюты.
11. Цель перехода границы, откуда и куда следует, через какие населенные пункты следовал к границе	через с. Давло

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
12. Время и место перехода границы	21/55 у погранич. уака. 50 Кв. 6620.
13. Кто и каким образом содействовал переходу границы: их фамилии, имя, отчество и точный адрес или приметы и куда они скрылись.	В с. Добро поехал человек сразу после роста дороги до гра 46. Он был в колот 100р. и до него границы гор.
14. Какой раз переходит границу, в какую сторону и где именно	Первый раз
15. Если переброшен насильственно через границу, то кем, при каких обстоятельствах, за что, один или с группой лиц, где остальные переброшены и кто они, причины их переброски	Самостоятельно.
16. В каких пунктах и у кого проживал или останавливался и как долго (если не знает фамилии лиц, у которых проживал или останавливался, то указать их точные приметы)	В с. Добро был у одного человека которого фамилии не знает и примет обит и может. Находил у него с 18го до 21го
17. Фамилии, имя и точный адрес родственников, проживающих за границей	Отца Роберт Хаан, три сестры Тут, Саф, Лана Роберт мисс и Утиско.
18. Кем задержан	пограничником Боголюбов Федор Васильевич Митин Сергей.
19. Какие были замечены протесты и жалобы со стороны задержанного	Нет
20. При обыске присутствовали	полицейский Ошман или капитан Фролов пограничник Здобин

Подпись производившего опрос: Н.З. ст. полицейский Митин

Подпись задержанного: Ruben Gilbert

Подписи присутствовавших при обыске: Ларин Федор Здобин

Все перечисленные в п. п. 9 и 10 сего протокола и самого арестованного приняты

..... 194 г. Подпись

Повторный обыск задержанного произведен

..... 194 г. и (указать, где именно)

Результаты обыска

Подпись производившего повторный обыск:

Подписи присутствовавших:

№ 21/6

По делу №

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. *Городецкого* 1944
 ий.р. *Гомельский* НКВД УССР
 мотрен материалы по обвинению гр. *Альбер Рубин*
Исакович. *Незаконно*
лишью из Германии
 преступлений предусмотренных ст. ст. 80

УССР, выразившихся в том, что он *Альбер Рубин*
Исакович. *Незаконно* *напустил* *границу*
в Германию *в СССР* *14/11 1944 года*.
 иел, что (привести мотивы избрания меры пресечения) *Альбер*
Рубин *Исакович*.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 143, 145 и 156
 II УССР.

ПОСТАНОВИЛ:

Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия
 отношению к обвиняемому *Альбер Рубин*
Исаковича *содержать* *под стражей*
в БЗ № 0178/44.

Настоящее постановление представить

С. Городецкий

СИ.

Выписка из протокола № 65

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от 13 июля 1944 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

Дело № 33143/УНКВД Кирово-
 градской обл. по обвинению
 АЛЬБЕРГА Рубина Исаковича,
 1909 г. р. ур. г. Ульянов (Гер-
 мания), из кустарей, еврей,
 кустарь-корзинщик.

АЛЬБЕРГА Рубина Исаковича,
 за попытку незаконного
 перехода государственной за-
 чить в исправительно-трудо-
 вой лагерь сроком на ПЯТЬ
 лет, с даты срока с 14 марта

Нач. Секретариата Особого Совещания
 при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

372

Акт 837323

КОПИЯ

С. С. С. Р.
**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
 ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**
УПРАВЛЕНИЕ
 Железнодорожного Стрела
 и Сорокского Исправителя
 Трудового Лагери

30 августа 1947 г.
 № 57223
 гор. Беломорск, КФССР

Предъявитель свидетельства граждан Альберт
Рубин Исаакович
 1909 года рождения, уроженец г. Чкалова
Львовской обл., Польша

На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР
 администрирован как польский гражданин и имеет право свободного
 проживания на территории СССР, за исключением запретных зон,
 местностей объявленных на военном положении и режимных городах
 первой и второй категории.

При нем находится нет

Гражданин направляется к избранному им месту жительства г. Курган

Удостоверение действительно на три месяца и подлежит обмену.
 Изложенное удостоверяется подписью и печатью.

НАЧАЛЬНИК УЖДС И СОРОКЛАГА НКВД:

СОВЕРШЕННО-СЕКРЕТНО.

П О В Е С Т К А .

К ОСОБОМУ СОВЕЩАНИЮ НКВД С С С Р

На " " " 1940 г.

№ п/п	Отдел и фамилия докладчика	№ следдел	Фамилия, имя, отчество, возраст, соц. положение, подданство, партийность, судимость, происхождение, специальность.	Состав преступления	Когда арестован и где содержится.
1.	Следственная часть УЖДС	33143	АЛЬБЕРТ Рубин Исаакович, 1909 года рождения, по национальности еврей, гражданин Польши, не судим, происходит из кустарей, по специальности мастер-корзинщик.	13 марта 1940 г. 13-го марта 1940 г. не перейти границу из СССР на сторону Германии, т.е. в преступлении предусмотренной ст. 16-30 УК УССР.	13-го марта 1940 г. содержится в страже 1-го исправительного лагеря г. Курган.

В пред"явленном обвинении виновным себя признал.

НАЧАЛЬНИК УЖДС ПО КИРОВОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
 КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НЕБОРАЛОВ)

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ УЖДС
 МИ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ГРОМОВИЧЕВ)

Всего денег оказалось 3849 злотых (бумажные). 1 карманный ножик, военный билет, халат белый и письмо на польском языке» [Л.Д. 16]. Квитанция об официальном приёме этих денег приобщена к делу [Л.Д.7].

О ЛЕДОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИИ ЗАКЛЮЧЕННОГО

при измерении Заключенного *Айльберг Рубин Израфович*

Установлено *Английская тюрьма*

По состоянию здоровья годен: *к физ. труду*

13 июля 1940 года

Государственный архив НКВД СССР
По Хабаровскому краю

3168

В намерении нелегально перейти государственную границу Союза ССР в сторону Германии Айльберг быстро сознался и уже 13 июля 1940 года по постановлению Особого совещания при НКВД СССР,

протокол № 65, получил срок в пять лет исправительно-трудовых лагерей (был направлен в Севжелдорлаг) [Л.Д.25].

30 августа 1941 года Управление железнодорожного строительства и Сорокского исправительно-трудового лагеря в г. Беломорске КФСР выдало Айльбергу Р.И. удостоверение за № 57283 о том, что он «на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР амнистирован как польский гражданин и имеет право свободного проживания на территории СССР за исключением запретных зон, местностей, объявленных на военном положении, и режимных городов первой и второй категории. Гражданин направляется к избранному месту жительства г. Курган» [Л.Д.31г]. Новое место жительства Айльберг, похоже, на этот раз выбирал не торопясь, обстоятельно, поскольку в августе 1941 года город Курган казался таким далёким и от боевых действий на Западе, и от возможной войны на Востоке. До наших дней Рубин Айльберг дожил вряд ли, однако если живы его дети, внуки и прочие наследники, то они должны помнить: государство-правопреемник СССР должно им 3840 злотых (в пересчёте на нынешний курс).

Шпион-закройщик

ДЖЕВО И.Ц., Д. 6286-П

Фамилия на обложке архивного следственного дела сначала ввела нас в заблуждение: польский еврей Исаак Джево, подумалось, что возможно от английского *jew* – еврей. После просмотра документов оказалось, что фамилия скорее славянская, ибо на польском пишется как *drzewo* – дерево.

Носитель этой фамилии работал портным на кировоградской фабрике «Текстильшвей», был арестован 25 июня 1941 года контрразведывательным отделом УНКГБ по Кировоградской обл. за то, что *«проживая в б. Польше, занимался якобы контрабандой: ходил нелегально в Германию, за что часто арестовывался тайной польской полицией»*.

С приходом германских войск в б. Польшу Джево был арестован и направлен в концентрационный лагерь под Берлин, впоследствии лагерь переведен под Перемышль, и при подозрительных обстоятельствах Джево из лагеря бежал нелегально в Советский Союз» [л.д.3].

В анкете арестованного значится, что Джево Исаак Цейвахович, родился 25 декабря 1917 года в с. Водислав Емчевского уезда Келецкого воеводства Польши в семье портного-кустаря. Отец, Цейвах Зеликович, 1893 г.р., мать, Эстера Якубовна, 1891 г.р., братья, Гедалья, 1920 г.р., Бер, 1922 г.р., Якуб, 1924 г.р., Лейбуш, 1925 г.р., Зейлик, 1929 г.р.; сёстры, Файгла, 1914 г.р., Гитля, 1915 г.р., все работают с отцом. Джево И. Ц. закончил 5 классов польской школы, в армиях не служил, к политическим партиям не примыкал. В г. Кировограде проживал по адресу ул. Грузовая, 32.

На первом же допросе 26 июня 1941 года Джево пояснил: *«3 сентября 1939 года я был забран ГСТПО (гестапо, прим. авт.) в концлагерь, где я работал целый месяц на разных черновых работах. В этом концлагере были только евреи и только молодые, которых через месяц пустили домой, затем ночью собрали в машины по квартирам и отправили на вокзал (не помню, какой),*

где мы простояли 36 часов, посадили нас в вагоны, по 120 чел. в одном вагоне, и издевались, затем поезд отправили на ст. Ниско, под совграницу, разгрузились с поезда и всех погнали в лес, километров 5 от границы, там начали стрелять по нас, мы бежали группами, кто куда мог по направлению Перемышля, где нас окружила полиция, и с 5 октября по 7 октября на площади держали под охраной, а 7 октября нас до 1500 человек перегнали в 4-5 часов утра через Советскую границу через реку Сан.

В Перемышле я был дней 8-мь, затем я выехал во Львов и завербовался на работу в шахты Донбасса, куда приехал 25 октября. В Донбассе работал по разным шахтам, рудник «Красный Октябрь» и в артели «Рекорд», рассчитался в июне 1940 года и переехал в город Шполу, в последней поступил на работу в «Индпошив». Проработал до 22 июля 1940 года, затем мне директор «Индпошива» и портные советовали выехать на работу в г. Кировоград, куда я и приехал 24-25 июля 1940 года, и поступил на работу в артель «Текстильшивей», где работал до последнего времени» [Л.д. 12].

Кировоградские контрразведчики допросили Джево ещё один раз, 2 июля 1941 года, на допросе он рассказал ту же историю, добавив только название лагеря – «Дахо» (скорее всего, «Дахау», в Баварии, относительно недалеко от польской границы, прим. авт.).

Во время этого допроса у следствия появляется новая интересная линия: «Вопрос: Будучи в концентрационных лагерях, вас допрашивало немецкое гестапо? Ответ: Будучи в концентрационных лагерях я никогда гестапо не допрашивался. Вопрос: Во время вторичного ареста вас гестапо и будучи на одной из станций вы имели встречу со знакомыми из гестапо. Назовите фамилии знакомых вам лиц из гестапо. Ответ: При вторичном аресте и будучи на одной из станций я ни с кем из гестапо встречи не имел. Вопрос: Припомните лучше, от кого вы на станции Катовице получили плитку шоколада, и назовите фамилию этого человека. Ответ: Никакого шоколада на станции Катовице ни от кого не получал. Вопрос: Были ли вы на станции Катовице и когда это

было? Ответ: *На станции Катовице я был ещё до начала военных действий между Германией и б. Польшей. Во время оккупации б. Польши немецкими войсками я никогда на ст. Катовице не был»* [Л.д. 13-14]. Плитка шоколада появляется как-то из ниоткуда, и оставляет впечатление, что проводивший допрос следователь Мацьков старался убедить себя самого в том, что Джево таки завербовало гестапо, заставив работать за эту самую шоколадку. 6 июля 1941 года Джево предъявляют постановление об обвинении его по ст.ст. 54-6 и 80 УК УССР (шпионаж и незаконный переход госграницы, прим. авт.) [Л.д. 15].

Дальнейшие допросы Джево продолжаются уже в УНКВД по Архангельской области, куда он был этапирован при приближении немецких войск к г. Кировограду (*город был занят немцами 5 августа 1941 года, прим. авт.*). Мистическая плитка шоколада по дороге не исчезла, так как о ней снова упоминают следователи: *«Следствие имеет данные, что вы на одной из станций получали плитку шоколада от знакомых вам лиц из гестапо. Требуем назвать фамилии этих лиц. Ответ: Никакого шоколаду я от гестапо не получал и знакомых у меня никого из германского гестапо нет»* [Л.д. 33]; несмотря на постоянные заявления Джево об отсутствии у него связей с гестапо, следователи упорствуют: *«А за что вам давали знакомые вам лица из германского гестапо плитку шоколада? Ответ: Никаких знакомых у меня из германского гестапо не было и ни от кого я от лиц из гестапо шоколаду никогда не получал»* [Л.д. 40].

«Шоколадную» историю следствие считает для себя выясненной и закрытой и продолжает «создавать» картину «шпионской деятельности» подследственного, выясняя наличие у него его почтовой связи с Польшей. На ответ Джево, что кроме переписки с родственниками, другой переписки ни с кем он не вёл [Л.д.40], следует весьма примечательный по логике и формулировке вопрос: *«Следствие к вопросу о вашей шпионской деятельности ещё вернётся в следующий раз, а теперь расскажите о проводимой вами антисоветской деятельности и вашем отношении к мероприятиям Сов. власти»*. Развивая тему, следователь

заявляет: «Вы были враждебно настроены по отношению к Советской власти и среди окружающих вас лиц проводили антисоветские разговоры... Вы высказывали контрреволюционную клевету на материальное положение трудящихся в Советском Союзе и восхваляли жизнь в б. Польше». Ответ Джево: «Никаких антисоветских разговоров среди окружающих меня лиц я не проводил. Это я отрицаю» [Л.д. 40].

Через день, 15 декабря 1941 года, Джево пытаются бездоказательно обвинить в контрабандистской деятельности, однако попытка оказывается безуспешной. Тогда следователь задаёт ещё один вопрос: «Книгу Гитлера «Моя борьба» вы читали?» Ответ: «В период проживания в быв. Польше книга Гитлера «Моя борьба» была в каждом книжном магазине и киоске, я её читал полностью». На этом допрос заканчивается: скорее всего потому, что для себя следователь сделал вывод о приверженности Джево к нацистской идеологии [Л.д. 41]. Если учесть, что ранее, при допросе 10 декабря 1941 г., делалась примитивная (и тоже безуспешная!) попытка «привязать» Джево к участию в деятельности польской сионистской организации и подобной группы в г. Кировограде, то «джентльменский набор», по мнению проводившего следствие сержанта госбезопасности Во-лынского, был налицо: еврей-шпион-контрабандист-сионист-фашист-антисоветчик Джево.

Определённую ясность в вопрос об источниках информации следствия вносит протокол допроса Джево от 28 ноября 1941 года, начинающийся очень «тонко и завуалированно»: «Вопрос: Боринштейна вы знали? Ответ: Боринштейна Пиню я знал с июля месяца 1940 года по совместной работе в артели «Текстильшвей» в гор. Кировограде, где я с ним работал до дня моего ареста. Взаимоотношения у меня с ним были хорошие». Эти самые отношения и подвели Джево, так как из дальнейших утверждений и вопросов следователя можно сделать вывод, что они во многом основаны именно на показаниях, полученных через Боринштейна [Л.д.30].

В обвинительном заключении упомянуто и «перебежчик

госграницы», и «занимался контрабандной деятельностью, в связи с чем неоднократно нелегально переходил границу из Польши в Германию, за что арестовывался польской тайной полицией», и «дважды арестовывался гестапо», и «в ноябре месяце 1939 года гестапо был переброшен в Советский Союз», и «имел связь с членами сионистской организации», и «по заданию гестапо занимался шпионской деятельностью». За всё это УНКВД по Архангельской области предложило Особому совещанию при НКВД СССР «подвергнуть обвиняемого Джево И.Ц. заключению в ИТА сроком на 8 лет» [Л.Д.46].

27 мая 1942 года Особое совещание при НКВД СССР (протокол № 40-м) постановило: «Джево Исаака Цейваховича за переход госграницы со шпионскими целями заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, считая срок с 26 июня 1941 года» [Л.Д.47]. Наказание он отбывал в Устьвимских лагерях до 16 сентября 1946 года.

27.12.1962 года Джево И.Ц. (к этому времени он проживал в г. Омске, имел семью: жену, Шуклину Клавдию Илларионовну, и сыновей, Геннадия, 1948 г.р., и Александра, 1954 г.р.) обратился в компетентные органы с просьбой о пересмотре его дела. В результате проведенного дополнительного расследования Военный трибунал Киевского военного округа своим определением №163/О-63 отменил постановление Особого совещания при НКВД СССР от 27 мая 1942 года в отношении Джево И.Ц. и дело о нём прекратил за недоказанностью обвинения [Л.Д.75-76]. Справка о реабилитации Джево И.Ц. и некоторые изъятые при аресте личные документы были направлены ему по адресу гор. Омск-36, ул. Днепровская, дом №5 20 мая 1963 года [Л.Д. 77].

Невезучий стеклодув

КОЛДЕЙСКИЙ СТАНИСЛАВ ЛЮДВИГОВИЧ, Д. 12135-П

Предварительное следствие начато 28 июня 1940 года [л.д.1], в тот же день – постановление об избрании меры пресечения и постановление на арест [л.д. 2, 3]. Из анкеты арестованного: родился в г. Радом Люблинского воеводства, окончил 3 класса начальной школы, работал стеклодувом. Родственники – отец, Людвиг, 78 лет; мать, Юзефа, 73 года; брат, Владислав, 43 года – проживали в г. Радом. Станислав Колдейский в 8 лет пошёл в школу, однако из-за отсутствия средств проучился только 3 года, после чего, в возрасте 11 лет, поступил учеником на стеклодувный завод, где и работал до 1914 года, с 1914 по 1916 проживал при родных не работая, с 1916 до 1917 был продавцом газет при типографии, а затем с 1917 по 1920 работал стеклодувом на том же заводе. С 1920 по 1922 гг. служил санитаром при 3-м пехотном полку польской армии, а после демобилизации вернулся на завод, где и работал до начала польско-немецкой войны. К политическим партиям не примыкал, репрессиям не подвергался [л.д 5-7].

С началом военных действий покинул уже занятый немцами г. Радом и пешком двинулся в сторону г. Брест, чтобы попасть на территорию СССР, найти там работу и остаться на жительство. В Бресте Колдейский записался на переезд в СССР, был направлен в Кировоградскую область и уже с 11 ноября 1939 года числился чернорабочим в совхозе «Червоный столяр» Елисаветградковского района. Заработок его не устраивал, потому 9 марта 1940 г. он рассчитался и приехал в г. Кировоград, где 2 апреля 1940 г. устроился подкатчиком вагонов на шахту «Пионер». Здесь ему не подошли условия работы, он совершил опоздание на работу, за что 9 июня 1940 г. был администрацией шахты уволен. На допросе 29 июня Колдейский пояснил: *«Умышленно я опоздал на работу с целью получения расчёта, после чего планировал выехать обратно для работы на стекольный завод... После расчёта я думал выехать по направлению в гор.*

акт 876549

АКТ СМЕРТИ № 23а

СРОКОВИКОВ

1912 г. Шарта 13-дня, Мы наследовались Пач. подразделения Воск Шван Тиммер Врач Сергеев Александр (фамилия, имя и отчество) (фамилия, имя и отчество)

и Начальник 2-й части Крутова Мария В. составили настоянный акт в том что сего числа на Савин в Вил НКВД (фамилия, имя и отчество) (служебное подразделение)

умер Копорский Ст. П. З.Д. № 39128 1901- год рождения (фамилия, имя и отчество)

происходивший из Фар Радина

осужденный Особ. Совет НКВД по ст. ст. Н.П.Г. УК (наименование органа) (статья)

сроком на 5 лет прибавивший из старо- (откуда прибыл)

Белского лагеря

емерь последовала от Крутова Александра 194 г.

Врач Шван Нач. подразделения Крутова Нач. 2-й части

24

СПРАВКА

о медицинском наблюдении заключенного.

на медицинском наблюдении заключенного Ковчи́нский Станислав

представлено Зуинов

по состоянию здоровья годен: к физическому труду

21/VI 40

Глававрач Тюрем № 1 У И К В Д
По Кировградской области

- 2 - *gfr*

Кроме этого я находился без определенных занятий и места жительства с 9-го Марта 1940 года по 2-е Апреля 1940 год а так-же с 9-го Июня по день моего ареста."

На основании наложенного обвиняется:

КОЛДЕСКИИ Станислав Лодвигович 1900 год рождения, уроженец гор. Радом, Келецкого погону, Лодзинского воеводства, по национальности поляк, внегражданин, безпартийный, репрессиям не подвергался, нелегально перешел на территорию Германии на территории б. Западной Белоруссии, а так-же находясь в Кировоградской области, прекратил работу и находился без определенных занятий и места жительства, т.е. в преступлении предусмотренном ст. 80 УК СССР.

Исходя из материалов обвинения, следдело в ЮЗСБ по обвинению **КОЛДЕСКОГО** Станислава Лодвиговича, подлежит рассмотрению особого совещания при НКВД СССР.

ЗАМ НАЧ 3-ГО ОТДЕЛЕНИЯ 3-ГО ОТДЕЛА УГБ ЯНГД

Масальский /МАСАЛЬСКИЙ/

"СОГЛАСИ" НАЧАЛЬНИК 3-ГО ОТДЕЛА УГБ ЯНГД
ЛЕВТИАНТ ГОС БЕЗОПАСНОСТИ

Куртский
/КУРТСКИЙ/

С П Р А В К А.

Арестованный **КОЛДЕСКИИ** Станислав Лодвигович, содержится под стражей в тюрьме НКВД гор. Кировограда.
Вещественных доказательств по делу нет.

ЗАМ НАЧ 3-ГО ОТДЕЛЕНИЯ 3-ГО ОТДЕЛА УГБ ЯНГД

Масальский /МАСАЛЬСКИЙ/

Составлено 22-го Июня 1940 года
гор. Кировоград.

"УТВЕРЖАЮ"

ИЗНАЧАЛЬНИК УМВД ПО КИРОВГРАДСКОЙ ОБЛ.
БЕЛЫХОВ ГОС БЕЗОПАСНОСТИ
ПЕВРАНОВ

"11" июля 1940 года

"СОГЛАСНО"

Зам. ПРОКУРСА ПО КИРОВГРАДСКОЙ ОБЛ.
СЕРГЕЕВ

"11" июля 1940 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По делу № 10038 по обвинению
КОЛДЕСНИК Станислава Ладриго-
вич. УК УССР.

3 Отделом УМВ УНКВД по Кировоградской области
был задержан без определенных занятий и места жительства
беженец из б. Польши КОЛДЕСНИК Станислав Ладригович по подоз-
рению нелегального возврата на территорию Германии.

Произведенным по делу расследованием установлено

В конце сентября месяца 1939 года КОЛДЕСНИК
Станислав Ладригович нелегально перешел из территории занят
Германией на территорию б. Западной Белоруссии, откуда выехал
остатился на работу в Елисаветградском районе, Кировогра-
дской области, где прекратил работу 9 марта 1940 года, выехал в
гор. Кировоград и находился без определенных занятий и места
жительства до 2-го апреля 1940 года.

2 апреля 1940 года — КОЛДЕСНИК Станислав Ладри-
вич поступил на вахту "Чинер", где так-же прекратил работу
9 июня 1940 года и находился без определенных занятий и мест
жительства по день ареста.

Допрошенный в качестве обвиняемого КОЛДЕСНИК
Станислав Ладригович виновным себя в нелегальном переходе
госграницы из Германии на территорию б. Западной Белоруссии
Признал и по существу дела показал:

"Прожидал в гор. Радом / территория
Германия / я в конце сентября месяца
1939 года в период военных действий
ушел из дому в гор. Врест, где был
набор рабочей силы в Донбасс, с
которой я выехал и остался в Елисавет-
градском районе.

Выписка из протокола № 129
 19
 19
 го Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР
 от "11" октября 1940 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>В 10038/УНКВД Кирово- вля обл., по обз. КОДЕЙСКО- слава Львовича, р., урож. гор. Рязон, вне подданства, с/парт., вделенных звания.</p>	<p>КОДЕЙСКОГО Станислава Львови- чича, за нелегальный переход госграницы заключить в исправни- тельно-трудовой лагерь сроком на три года, считая срок с 28-го июня 1940 года.</p>
<p>УССР - УНКВД 24/10-40 21.10-1940</p> <p>Нак. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР</p>	

ФОРМА № 3

УТВЕРЖДАЮ

Начальник Следственной части
 (Начальник 3-го Отдела)
 УНКВД
 21/10/40 1940 г.

Юматов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о предъявлении обвинения)

Город Кировоград, 11 июня 1940 г. 29го дня, Я. Зайцев,
 2-й отделения III отделения 4355
Масалевский (звание, отчество и орган)

рассмотрев следственный материал по делу № 10038 и приняв во внимание,
 что Кодейский Станислав
Шофенович (фамилия, имя и отчество)

достаточно изобличен в том, что Кодейский Станислав
Шофенович, в конце сентября месяца
 1939 года перешел из территории
 замкнутой немцами в гор. Бресте,
 откуда в числе перебежчиков был
 направлен для работы в Эшерово-
 градовский район, Кировоградской
 области, самовольно оставил
 работу в 1 месяце работы, находясь
 без определенных занятий и
1 месяц пребывания с 9го марта
 по 2го апреля 1940 года, а также с
9го июня во день ареста, не сразу
 возвратиться к родным, прожива-
 ющим на территории 1 немецкой
 замкнутой территории.

Киев, где возможно нашёл бы стекольный завод,.. я думал устроиться по специальности на стекольный завод где-нибудь в Киеве или в Западной Украине, выезд же к родным в гор. Радом (терр. Германии) я не думал устраивать, поскольку, как указывал выше, я бежал от немцев» [Л.д. 8-10].

Следствие предъявило Колдейскому обвинение в самовольном пересечении границы из Германии в СССР, оставлении работы в Елисаветградковском районе и на шахте «Пионер», а также в пребывании без определённого места жительства и занятий и намерении возвратиться за границу. Обвиняемый ответил: *«Да, виновным себя признаю, поскольку я действительно в конце сентября месяца 1939 года бежал с территории, занятой немцами, в сторону СССР, а также, находясь на территории Кировоградской области, я самовольно прекратил работу и находился без определённых занятий и места жительства. Однако свой возврат на территорию, ныне занятую немцами, отрицаю, поскольку я от них бежал» [Л.д.11, 14].*

11 июля 1940 года дело на Колдейского было передано на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, а 11 октября того же года за нелегальный переход госграницы он был осужден к трём годам ИТЛ [Л.д.19].

Согласно справке о медосвидетельствовании заключённого, подписанной главврачом тюрьмы №1 УНКВД по Кировоградской области 31.07. 1940 г. [Л.д.24], Колдейский был здоров и годен к физическому труду. Наказание отбывал в Старобельском лагере, затем был переправлен в Ухто-Ижемский ИТЛ, г. Ухта Коми АССР, где, согласно акту о смерти [Л.д. 23, 23а], скончался «от крупозного воспаления лёгких» 13 марта 1942 года.

В ходе массовой кампании по реабилитации 30 июня 1989 года был реабилитирован [Л.д.21].

Билеты на несостоявшуюся поездку

ШУРАН И ЛЯШУН, Д.№ 12106-П

14 марта 1940 года зам. начальника ЭКО (экономического отдела, прим. авт.) УГБ УНКВД по Кировоградской области сержант госбезопасности Цигельман вынес постановление о начатии предварительного следствия по признакам ст.16-80 УК УССР в отношении Шурана Иосифа Антоновича, 1919 г.р., и Ляшуна Ивана Семёновича, 1922 г.р., «преступная деятельность» которых выразилась «в том, что они ещё с февраля месяца с.г. начали готовиться к нелегальному переходу границы из СССР в Германию, где проживают их родные. Для осуществления намеченной цели 13-го марта с.г. Ляшун И.С. вместе с Шураном Иосифом и его женой Шуран Станиславой бросили работу на заводе, выехали на вокзал ст. Кирово-Украинская, где купили билеты для поездки до Киева, а оттуда добраться до границы и нелегальным путём перейти её, но были задержаны» [л.д. 2]. В тот же день Шуран и Ляшун были арестованы, обысканы и заключены под стражу.

Из анкет арестованных: Шуран Иосиф Антонович, 1919 г.р., родился и до переезда в СССР проживал в с. Жулин Холмского уезда, Польша, в 1932 года закончил 4 группы польской школы, находился на иждивении родителей. Состав семьи: отец, Антон, мать, София, братья Станислав, Иван, Евгений, Борислав, сёстры Феля и Маруся, все проживают в с. Жулин; жена, Станислава, проживает в г. Кировограде;

Ляшун Иван Семёнович, 07.03.1922 г.р., родился и до переезда в СССР проживал в с. Кусень Володовского уезда, Польша, в 1938 году закончил 5 групп польской школы, находился на иждивении родителей. Состав семьи: отец, Мазурук Филипп, мать, Мазурук Анастасия, брат Антон, сестра Ульяна, все проживают в с. Кусень, занимаются хлебопашеством [л.д.17-18].

Будучи допрошены, Шуран и Ляшун пояснили следующее: «Не помню, какого числа в ноябре месяце 1939 года в наше село Жулин прибыла Красная армия и находилась 4 дня, после чего из

Дело № 10009 *список каровладельцев обл. 3401*

НКВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ
ПЕЧОРСКОГО
Железнодорожного
Исправ. Труд. Лагера

Предъявитель гр-н *Майгур*
Семенов

Отдел *II*

№ *30340* - *1920* года рождения, уроженец
пос. Абыль, Коми АССР. *С Руски*
30.09.41 *Вологодского уезда*

на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР амнистирован, как польский гражданин и имеет право свободного проживания на территории СССР, за исключением запретных зон, местностей, объявленных на военном положении и режимных городов 1-й и 2-й категории.

При нем находятся члены семьи: *нет*

Гр-н *Майгур Исак Семенович*
направляется к избранному месту жительства: *с. Бугушур*
Колос. обл.

Дело 10009 УНКВД
Кировоград. обл. *6784*

НКВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ
ПЕЧОРСКОГО
Железнодорожного
Исправ. Труд. Лагера

Предъявитель гр-н *Шуран*
Иосиф Антонович

Отдел *II*

19. - *10* 1941 г.
№ *11840* - *1919* года рождения, уроженец
пос. Абыль, Коми АССР. *с Жулки*
Холмского уезда

на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР амнистирован, как польский гражданин и имеет право свободного проживания на территории СССР, за исключением запретных зон, местностей, объявленных на военном положении и режимных городов 1-й и 2-й категории.

При нем находятся члены семьи: *нет*

Гр-н *Шуран Иосиф Антонович*
направляется к избранному им месту жительства: *с. Бугушур*
Колос. обл.

села выехала в Ковель. Части Красной армии приглашали нас ехать вместе с ними в СССР, на что я дал согласие и вместе со своей женой уехал с частями Красной армии. В пути мы находились до двух недель, после чего отправили нас в гор. Кировоград» [Шуран, л.д. 22]; «В октябре месяце 1939 года в наше и соседнее село зашли части Красной армии, но вскоре после этого уехали обратно, т.к. в то время устанавливалась граница между Германией и СССР, но т.к. село, где я проживал, осталось на территории Германии, я вместе ещё с другим односельчанином, по предложению частей Красной армии, уехали вместе с ними в город Ковель, а оттуда нас отправили в г. Кировоград... По прибытию в г. Кировоград меня послали на спиртзавод, где я работал до последнего дня, т.е., до моего отъезда» [Ляшун, л.д. 37].

Для того, чтобы понять, куда они попали, переселенцам понадобилось недолго, всего несколько месяцев. На первых порах всё было относительно нормально. По словам Шурана, «с первого дня приезда в г. Кировоград меня вместе с женой направили работать на спиртзавод. На спиртзаводе я работал угольщиком, а жена дробильщицей. Мне также дали квартиру из одной комнаты и условия были созданы вполне нормальные для работы. Каких-либо жалоб с моей стороны дирекции завода о плохих условиях работы и жизни не было. Я лично зарабатывал в месяц от 300 до 320 рублей, а жена – 130 рублей» [л.д.25]. Доволен был и Ляшун: «2 месяца я работал углевозом, а потом работал на засытке угля. Администрация завода предоставила мне квартиру, создала мне неплохие условия работы, и я был доволен, каких-либо жалоб с моей стороны не было» [л.д.45].

Вскоре ситуация изменилась. Ляшун «два раза подавал заявления администрации завода с просьбой, чтобы перевели меня на другую работу, чтобы я имел возможность научиться квалификации, но мою просьбу не удовлетворили, и поэтому я остался недоволен» [л.д. 46]. Недоволен был и Шуран: «из гор. Кировограда я хотел уехать потому, что за последнее время у меня создались плохие материальные условия. Если первое время мы получали картошку, топливо и др. продукты по государственной цене,

то за последнее время в этом нам отказали и по этой причине решил бросить работу и уехать в г. Киев» [Л.Д. 26].

Работая в одном коллективе с местными жителями, переселенцы часто вели с ними разговоры о сравнительных условиях жизни в Польше и в СССР: *«На заводе я работал вместе с кочегарами Пальченко и Зубченко, имени и отчества их не знаю. С последними я неоднократно имел разговор, которые меня расспрашивали, о жизни в Польше и как я лично жил, при этом Пальченко и Зубченко говорили мне, что здесь, т.е. в СССР, плохо живётся, нигде ничего не купишь, везде большие очереди, нет ни продуктов питания, ни одежды и приходится голодать.*

В свою очередь я рассказал им, что в Польше можно было всё купить вдоволь, как продукты питания, а также мануфактуру, одежду и т.п. О своей личной жизни я им рассказывал, что жил удовлетворительно, в продуктах питания совершенно не нуждался.

Аналогичные разговоры с Пальченко и Зубченко я имел очень часто, примерно на протяжении 2-3 недель. Каждый раз, когда между нами происходил этот разговор, Пальченко и Зубченко говорили мне, чтобы я уехал обратно в Германию к своим родным, ибо здесь пропаду с голода. Эти разговоры несомненно имели на меня влияние, в результате чего я решил выехать обратно в Германию к своим родным» [Шуран, л.д. 33].

Темы условий жизни и работы в СССР и в Польше переселенцы обсуждали и в разговорах между собой: *«Полицук говорил, что он собирается выехать обратно в Германию, т.к. он там оставил своё хозяйство, хороший дом, 30 моргов земли (около 17 гектаров, прим. авт.), а здесь ему плохо живётся, не имеет, что кушать. На вопрос, каким путём он собирается выехать обратно в Германию, Полицук ответил, что он думает поехать в Киев, добиться пропуска на право выезда в Германию, а если ему в этом откажут, то он поедет в Шепетовку, из Шепетовки в г. Ковель, а из Ковеля нелегальным путём перейдёт границу в Германию.*

Ещё за несколько дней до этого разговора Полицук вместе с своей семьёй собирался уехать из г. Кировограда, однако был задержан и направлен обратно на своё производство» [Ляшун, л.д. 47].

Значительная часть таких разговоров происходила по месту жительства Шурана и Ляшуна, в частности, с их соседями, тоже переселенцами: Протасом Никифором Григорьевичем, его женой Ефросиньей Степановной, 1896 г.р., и его сыном, Иваном, 1918 г.р. В одной из таких бесед, по словам Ивана Протаса: *«Ляшун и Шуран говорили, что из Кировограда надо выехать так, чтобы никто не знал и даже на заводе, так как это может послужить к тому, что их могут задержать. Ляшун, разговаривая с Шураном, Полищукком и Гатюком, говорил, что если при переходе границы будем задержаны, я всё равно буду бежать, если даже по мне будут стрелять, а если удастся перейти благополучно.., всё в Германии расскажу о плохой жизни рабочих в СССР»* [Л.Д. 52-53].

Свидетельских показаний по делу было достаточно, однако следователь, сержант госбезопасности Радионов, почему-то принял решение допросить и 12-летнего сына Протаса, Владимира, учащегося школы № 18. При допросе, вместо предписанного уголовно-процессуальным кодексом в таких случаях присутствия родителей, педагогов, психологов, находился секретарь парторганизации спиртзавода Кишкин. Школьник рассказал дяде-чекисту захватывающие дух факты: *«При посещении нашей квартиры... Шуран, Ляшун, Полищук и Гатюк вели разговоры об отъезде из СССР в Германию, при этом они все высказывались о том, что в Советском Союзе жить плохо, а Ляшун И.С. заявил, что я, когда приеду в Германию, расскажу всё германской полиции о плохой жизни рабочих в СССР, кроме этого разговаривая между собой о нелегальном переходе границы из СССР в Германия советовались, как лучше перейти границу, чтобы их не заметили пограничники.*

Ляшун говорил.., что он знает такие места на границе, что всех их проведёт и пограничники их не заметят, а если и заметят, то я, говорил Ляшун, буду бежать, а если будут стрелять, я нырну в воду и буду идти под водой к берегу германской границы... Ляшун, Полищук, Гатюк имели оружие, чтобы при случае задержки их на границе они могли бы отстреливаться... Оружие... я лично видел

см.

Выписка из протокола № 46

12/6

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от 25 июня 1940 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>76. Дело в 10008/УНКВД Кировоградской обл. по обвинению ШУТАН Иосифа Антоновича, 1919 г. р. ур. с. Мулли, Хомского уезда (Германия), украинец, б. польск. подданый, из крестьян-бедняков, б/п, до ареста - чернорабочий.</p>	<p>ШУТАН Иосифа Антоновича, за попытку нелегального перехода госграницы, заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 7 лет, считая срок с 14/7-1940 г.</p> <p>УССР 24/п-ко 2/13/44358 Варкуйла</p>

Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>76. Дело в 10008/УНКВД Кировоградской обл. по обвинению ЛИНУК Ивана Семеновича, 1922 г. р. ур. села Кусень, Володовского уезда (Германия), украинец, из крестьян-средняков, сив. польско-подданный, б/п, до ареста работал чернорабочим.</p>	<p>ЛИНУК Ивана Семеновича, за попытку нелегального перехода госграницы, заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 7 лет, считая срок с 14/7-1940 г.</p> <p>УССР 24/п-ко 2/13/44358 Варкуйла</p>

Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

45

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1940 года Апрель 27 дня. Следователь Следчасти УГБ НКВД УССР
Серманет государственной безопасности -
Толетая, рассмотрев следдело № 10009
по обвинению Шурану Иосифа Антоновича и Лешку
И. Осиповича, по ст. 16-80 УК УССР.

Н А Ш Е Л:

Следствием установлено, что Шуран И. И. и Лешку И. С. протесел
на территории СССР. В марте месяце 1940 г. попытались
незаконно перейти гос. границу СССР в сторону
Германии -

Обвинительное заключение соответствует материалам следствия имеющимся в деле.

П О С Т А Н О В И Л:

Согласиться с предложением УНКВД по Кировоградской обл -
Ляшук И. В. - Дело по обвинению Шуран И. И. и
направить на рассмотрение Особого
Совещания НКВД СССР.

Сл. Следователь Следчасти УГБ НКВД УССР

Серманет государственной безопасности -

„СОГЛАСЕН“: Зам. нач. Следчасти УГБ НКВД УССР

Сл. Мухомов

сам. Однажды я зашёл в квартиру Ляшуна... в то время у него был Шуран и Ляшун ему показывал наган... вторично в квартиру Ляшуна приходил Полищук и Гатюк и оно вдвоём показывали оружие, а Ляшун тогда же показал им динамит со инуром... Это я лично видел сам» [Л.д.57-58].

Не надо иметь специальную подготовку, чтобы понять, что вооружённый перебежчик через границу представляет серьёзную опасность, однако следствие проигнорировало информацию о возможном наличии у Шурана и Ляшуна огнестрельного оружия и взрывчатки и отказалось от её проверки и подтверждения или опровержения. Скорее всего, признали эти сведения фантазиями очередного «павлика морозова», одурманенного навязчивой государственной пропагандой о «коварных шпионах» и «героях-пограничниках». Свидетельские показания школьника в тексте обвинительного заключения не отражены.

13 марта 1940 года «Ляшун И.С. вместе с Шураном И.А. и его женой Шуран Станиславой, не предупредив администрацию завода и не получивши расчёта, бросили работу, захватив свои вещи, выехали на железнодорожную станцию Кирово-Украинская, где купили билеты до Киева, а оттуда должны были добраться до границы и нелегальным путём её перейти, но были задержаны и доставлены в УНКВД» [Л.д.71-72].

Их обвинили в том, что «проживая на территории СССР, в марте м-це 1940 г. пытались нелегально перейти гос. границу СССР в сторону Германии» [Л.д.75-76]. 25 июня 1940 г. Особое совещание при НКВД СССР (протокол № 46) постановило «Шуран Иосифа Антоновича и Ляшун Ивана Семёновича за попытку нелегального перехода госграницы заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года, считая срок с 14.03.1940 г.» [Л.д. 76-77]. Согласно пометке на выписках из протоколов Особого совещания, обоих отправили в Воркутлаг.

В деле имеются удостоверения, выданные управлением Печорского железнодорожного исправительно-трудового лагеря (Ляшуну – 30.09.1941 г., Шурану – 19.10.1941 г.) о том, что каждый из них «на основании Указа Президиума Верховного Со-

57

К О П И Я.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

Свидетеля ПРОТАС Владимира Игнатьевича, 1928 года рождения, уроженца с. Юсипи 6/Польши, проживает в г. Киро-вограде ул. Пролетарская № 13, ученик школы № 17, находится на иждивении отца.

Допрошен 14 Марта 1940 года.

Будучи предупрежден об ответственности по ст. 89 УК УССР свидетель по существу вопроса показал следующее:

ВОПРОС: Кто посещал Вашу квартиру из приезжих лиц вместе с Вами с 6/Польши ?

ОТВЕТ: Квартиру моего отца, с **которым** я вместе живу, регулярно посещали : **ШУРАН** Досиф Антонович, **ЛЯШУН** Иван Семенович, **ПОЛИЩУК** Степан, **РАТЕН** Степан.

ВОПРОС: О чем разговаривали при посещении Вашей квартиры - **ШУРАН**, **ЛЯШУН**, **ПОЛИЩУК** и **РАТЕН** ?

ОТВЕТ: При посещении нашей квартиры перечисленные лица **ШУРАН**, **ЛЯШУН**, **ПОЛИЩУК** и **РАТЕН** вели разговоры об отъезде из СССР в Германию, при этом все они высказывались о том, что в Советском Союзе жить плохо, в 6/Польше им жилось лучше, а **ЛЯШУН** Иван Семенович заявил, что я когда приеду в Германию, расскажу все Германской полиции, о плохой жизни рабочих в СССР, кроме этого разговаривая между собой о нелегальном переходе границы из СССР в Германию, советовались где лучше перейти границу, чтобы их не заметили пограничники.

ЛЯШУН Иван говорил **ШУРАНУ**, **ПОЛИЩУКУ** и **РАТЕНУ**, что он знает такие места на границе, что всех их проведет и пограничники их не заметят, а если и заметят, то я, говорил **ЛЯШУН** буду бегать, а если будут стрелять в нирну в воду и буду идти под водой к берегу Германской границы все остальные **ШУРАН**, **ПОЛИЩУК** и **РАТЕН** с **ЛЯШУНОМ** согласились и решили, чтобы не случилось в момент перехода, а сразу вно будем бегать в Германию. Для этой цели **ЛЯШУН** Иван Семенович, **ПОЛИЩУК** Степан и **РАТЕН** Степан имели оружие, чтобы при случае задержать их на границе, они могли бы отстреливаться, кроме этого я видел у **ЛЯШУНА** Ивана Семеновича динамит со шнуром, но для какой цели он его держал я не знаю.

////////////////////

918.

С П Р А В К А

О медицинском освидетельствовании заключенного
А. Змук Иван Семенович
установлено: Здоров

По состоянию здоровья годен. к фронту

10/12-40.

ГЛАВРАЧ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
гор. Кировоград.

918

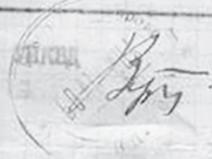
С П Р А В К А

О медицинском освидетельствовании заключенного
Шуран Пасифр Акимович
установлено: Здоров

По состоянию здоровья годен. к фронт

10/12-40.

ГЛАВРАЧ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
гор. Кировоград.

вета СССР амнистирован как польский гражданин и имеет право свободного проживания на территории СССР, за исключением запретных зон, местностей, объявленных на военном положении и режимных городах 1-й и 2-й категорий». В качестве места для дальнейшего проживания оба они избрали гор. Бузудук Чкаловской области [Л.Д.78-79]. Согласно заключению Кировоградской облпрокуратуры от 22 августа 1989 г. оба они «падают под действие ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х – начале 50-х годов» [Л.Д.89-90].

Сведений о дальнейшей судьбе фигурантов дела нет.

Не надо было ехать...

■ ЗАРЧУК А., СЕМЯК С., ПОЛИЩУК С., Д. 10028 ■

Этнические украинцы Зарчук Андрей Васильевич (Zarczuk Andrej), 1892 г.р., Семяк Станислав Иванович (Siemiak Stanislaw), 1894 г.р. и Полищук Степан Антонович, 1892 г.р. прибыли вместе со своими семьями в Кировоград в ноябре 1939 г.

До начала войны они проживали в Люблинском уезде Польши и вели крестьянское хозяйство. В Кировограде беженцам была предоставлена неквалифицированная работа на предприятиях города, и очень скоро они поняли, что их материальное положение значительно ухудшилось по сравнению с прежней жизнью. По словам одной из свидетельниц, уже в ноябре 1939 г. Станислав Семяк говорил: «Будь тот час проклят, когда я сюда приехал и пусть будет проклят тот, кто меня сюда привез».

В начале февраля 1940 г. беженцы получили временное удостоверение, дававшее право на проживание в Кировоградской области сроком на один год.

С началом работы советско-германской комиссии по обмену беженцами в Кировоград стали приходить письма от родствен-

ников наших переселенцев, вернувшихся к своему прежнему месту жительства на территорию Польши, оккупированную Германией. Слухи об этих письмах и о содержащейся в них информации быстро распространялись. Свидетель Богуславский показал: *«В апреле 1940 г. Полищук мне сказал, что его знакомый, который проживает в Кировограде, получает письма с Германии..., им пишут, что в Германии очень хорошо жить, он говорил, что также получил письмо от какого-то родственника из Германии, и он пишет, что в Германии хорошая жизнь»*. Семья беженца Степана Полищука попыталась выехать в оккупированную немцами Польшу, но была задержана и *«водворена обратно»*.

В дальнейшем жены беженцев отправились в местное УНКВД с просьбой разрешить им выезд назад [л.д. 47]. Следующим шагом стали письменные заявления беженцев в НКВД; в частности, Семяк С., имевший 5 детей, подаёт во 2-е отделение РКМ НКВД г. Кировограда заявление следующего содержания: *«Ввиду моего тяжелого материального положения в Кировограде и оставивши на территории Германии свое достояние (дом и все хозяйство) прошу упразднить и считать недействительным мою подпись на заявлении, подписанную мною на постоянное жительство в СССР гор. Кировограде 7.4.40 и выдать разрешение на проезд на прежнее место жительства. 9.4.40»*.

Беженцы собирались на квартирах и обсуждали свое бедственное положение. В частности, один из них, впоследствии давший показания в УНКВД Слончевский Мартын, сообщил: *«Примерно в марте месяце 1940 г. я зашел на квартиру Семяка, где было человек 6 беженцев..., которым Семяк говорил: «В Советском Союзе ничего нигде нет, везде большие очереди, люди голодают, здесь во много раз хуже, чем в капиталистических странах. Нас красноармейцы обманули, они говорили, что в Советском Союзе очень хорошо жить, а получилось совершенно другое, привезли нас сюда и мучают, я когда жил в бывшей Польше, то у меня собаки не поедали молока и мяса, а здесь рабочие и этого не видят. Если будем коллективно действовать, то нам выдадут пропуск и мы выедем на родину в Германию»*.

Во 2^е Отделение Р. К. М. У. К. В. Д. города ^{6.302} ~~г.~~
 Кировограда
 Семья Станислава приезжого
 из Западной Украины проживающего
 в гор. Кировограде ул. Добровольцев.
 Заявление
 Ввиду моего тяжелого материального положения
 в Кировограде, а оставши на территории Германии
 свое хозяйство (дом и все хозяйство). прошу упрощенно
 и сдать недееспособным. Мою подпись на Заявлении
 подписать мною на последнее проживание
 в СССР гор. Кировограде 1/IV с. и выдать
 разрешение на проезд на постоянное место жительства
 - ство.
 9/IV-40 г. Семья

Следует полагать, что устные и письменные обращения беженцев в НКВД, их отказ от советских паспортов, попытки самовольного возвращения на родину привлекли к себе внимание чекистов и спровоцировали арест Станислава Семьяка, Степана Полищука и Андрея Зарчука в середине мая 1940 г. В постановлении на арест от 12 мая 1940 г. речь шла о том, что «...Семьяк является организатором и зачинщиком выезда целой группы беженцев. 4 мая с.г. собрал к себе на квартиру до 15 человек и последних уговорил написать коллективную телеграмму в Ковель в Германскую комиссию с ходатайством о принятии их на жительство в Германию. Такая телеграмма была им послана 5 мая. В апреле месяце Семьяк получил для себя и своей жены 5-летние советские паспорта, но на второй день он отнес их в паспортный стол, сдал паспорта и заявил: «Заберите ваши паспорта, я не желаю быть советским гражданином, я уезжаю в Германию».

О Семьяке известно из материалов дела, что он служил рядовым 97 пехотного запасного полка Российской императорской армии в Симбирске; после российской революции 1917 г. в период гражданской войны вернулся домой; женился. В его семье

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление РК милиции

Кирово-Чугуевская область
г. Кирово-Чугуев

11/1 1940 г.

№ 26

г. Кирово-Чугуев

162 281
Формы № 1
с 28.07.38 г.

Временное удостоверение

(сроком на один год)

1. Фамилия, имя и отчество. Семьян Отанисов
Фредорович
2. Время и место рождения 13/IX 1894 г. Б. Булова
Кешияков уезд, Люблинский волост.
3. Национальность украинец
4. Профессия и род занятий рабочий
5. Откуда и когда прибыл на территорию Зап. Украины или Зап. Белоруссии
4/IV 1939 г. Б. Булова Кешияков уезд
6. Лети до 16-летнего возраста Надежда Отанисовна 1924 г.
(фамилия, имя и отчество)
Евдokia Степановна 1926 г. Любовь Семьяновна 1929 г. Иван
Отанисович 1928 г. Иван Семьянович 1930 г. Евгений Ст. 1938 г.
7. На основании каких документов выдано Голубатов, Волыня, Киевщина
и 9 Голубатов уезд, Киевщина

Действительно для проживания в 2 Буловка
Кирово-Чугуевской области (указывается район,
область, край, республика, куда владелец удостоверения направляется на работу)

Носитель удостоверения

Семьян

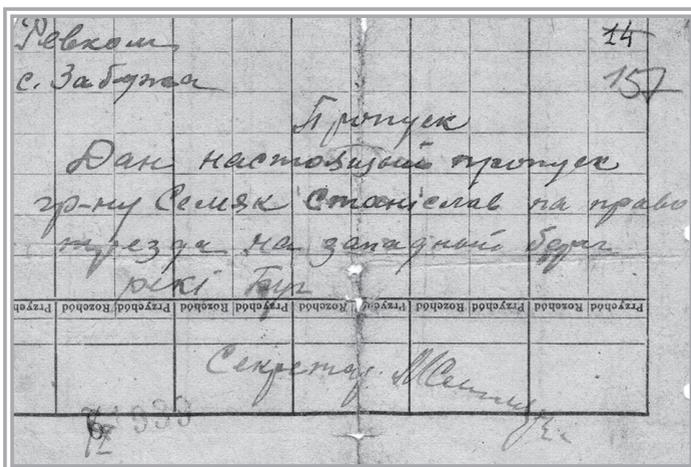

Начальник органа РК милиции

Белин -
Кисин -

было 5 детей; он имел большое крестьянское хозяйство: 60 моргов земли, 5 моргов леса, молотилку, 4 коровы и наемную рабочую силу, что по меркам Советской власти, равнялось вражескому кулацкому хозяйству.

В пакете документов при деле имеется пропуск «ревкома села Забужа», гражданину Семяку Станиславу, дававший ему «право переезда на западный берег реки Буг». Дата выдачи пропуска не указана, но можно предположить, что пропуск был выписан весной 1918 года. Переход Буга Станиславом Семяком имеет огромное символическое значение не только в его личной судьбе, но и в судьбе тысяч украинцев Холмщины и Подляшья. Если при первом пересечении реки в 1918 г. (на запад!) Станислав Семяк возвращался на место своего жительства, утратив гражданство Российской империи ввиду ее распада, и, соответственно, он двигался навстречу получению гражданства Польши, то во втором случае, осенью 1939 г., он двигался в обратном направлении, через ту же реку (ставшую к тому времени государственной границей между СССР и Польшей) с намерением расстаться с польским гражданством и получить советское. Жизнь распорядилась так, что уже спустя совсем короткое время Советский Союз не оправдал его надежд и чаяний. Семяк снова был готов к форсированию реки!

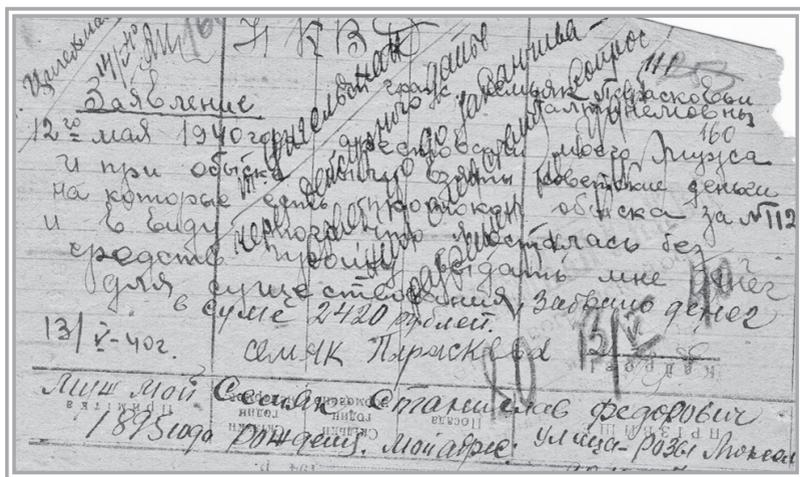

В постановлении на арест Андрея Зарчука говорилось, что он тоже собирал беженцев у себя на квартире и тоже отправил телеграмму, но уже 8 мая, *«с просьбой зарегистрировать его семью к выезду в Германию»*. Со слов свидетелей Зарчук так говорил о жизни в Польше и СССР: *«В бывшей Польше население жило намного лучше, чем здесь в СССР. В Польше самый бедный человек имел по 2 коровы, 2 лошади, много хлеба, мануфактуры, кожи и всех товаров было сколько угодно, никто ни в чем не нуждался, а в СССР ничего нет, магазины пустые, везде очередь, зайдешь в магазин так много приказчиков, а товара совершенно нет и нигде ничего не достанешь. У нас в Польше можно было держать хоть 3 мешка золота, никто ничего не скажет, а здесь если будут у тебя 3-4 хлеба, то придут и заберут...»*

Арест Станислава Семяка, Андрея Зарчука и Степана Полищука еще больше усугубил и без того тяжелое положение их семей. Семяк Парасковия вынуждена была обратиться в НКВД с просьбой вернуть деньги, которые были изъяты при аресте мужа, *«для существования»*. Резолюция начальника ЭКО УНКВД по Кировоградской области, младшего лейтенанта госбезопасности Буювлева предписывала его заместителю, сержанту г/б Цигельману передать через дежурного, что до окончания следствия вопрос решен не будет.

Вряд ли следователей могли интересовать нужды семей арестованных. А вот выявление зачинщиков, активистов движения за возвращение в «бывшую Польшу», как ее тогда называли в советских документах, было главной целью сотрудников НКВД. Путём допросов других беженцев и их коллег по работе было выявлено, что *«Зарчук был организатором беженцев для коллективного выезда в Германию, собирал их на квартиру к Семяку, где писал коллективные телеграммы с ходатайством для выезда в Германию, для посылки телеграммы собирал у присутствующих деньги»*.

Свидетель Мельник Герш Лейбович показал: *«В апреле месяца 1940 г. я встретился с Зарчуком Андреем Вас., который мне сказал, что 13 семейств беженцев написали коллективную теле-*

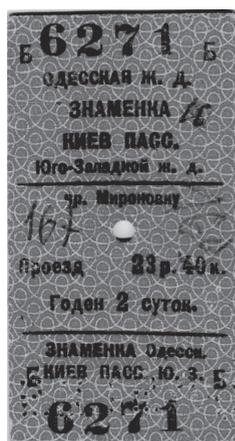

грамму в Киев и просят правительство о разрешении выезда в Германию. Зарчук говорил, что он сам лично писал телеграмму и предложил мне сдать 3 рубля, от чего я не отказался».

В показаниях упоминается и Гитлер, которому явно симпатизировал Степан Полищук: «9 мая с/г в коридоре школы автомехаников Полищук вел следующую беседу с шофером..., что в Германии власть Гитлера очень хорошая, что Гитлер немецких солдат очень хорошо кормит и одевает, а за рабочих и крестьян очень беспокоится, Гитлер говорил мол так, если у меня будет очень хорошо обеспеченные армия, рабочие и крестьяне, то Германия есть и будет непобедимая».

Данные показания легли в основу обвинительного заключения УНКВД: «Беженцы с бывшей Польши, теперь территории Германии... собирались в квартире Семьяка и вели контрреволюционные разговоры клеветнического характера по адресу Советского Союза, агитировали беженцев за коллективный выезд в Германию... Будучи озлобленными существующим Советским строем, агитировали беженцев за коллективный выезд в Германию, при этом в острой форме критикуя советский строй, одновременно восхваляя строй в капиталистических странах, то есть в преступлениях, предусмотренных 54-10 ч.1 УК УССР». И хотя в

обвинительном заключении было отмечено, что «вещественных доказательств по делу нет», изъяты при аресте фигурантов железнодорожные билеты на проезд от ст. Кирово-Украинское (так тогда называлась ж.д. станция Кировограда) до Киева следствием на полном серьёзе были сочтены достаточным доказательством преступных намерений подсудимых по нелегальному переходу ими госграницы в сторону Германии, т.е., совершением преступления, предусмотренного УК УССР. Это обстоятельство ещё раз подтверждает низкий профессиональный уровень сотрудников НКВД того периода, а также заказной, пропагандистский, политический характер подобных судилищ над лицами, оказавшимися на Советской территории после событий так называемого «золотого сентября».

Дело было направлено на рассмотрение Особого совещания при Народном комиссаре НКВД СССР, которое приняло следующее решение: каждого из 3 арестованных беженцев «как социально-опасный элемент заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет», считая срок с 12 мая 1940 г. для Станислава Семяка, с 14 мая 1940 г. для Андрея Зарчука и с 15 мая для Степана Полищука. Весь следственный процесс занял всего 1,5 месяца: с 12 мая по 26 июня 1940 г.

126

Выписка из протокола № 142

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от " 20 " ноября 1940 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>Дело № 10028/УНКВД Кирово-Вол. обл. по обв. СЕМЯК Станислава Федоровича, 1894 г. р. урож. из Борово, украинец, б. польско-арестованный, из рабочих.</p>	<p>СЕМЯК Станислава Федоровича как социально-опасный элемент - заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 12-го мая 1940 года.</p>
<p>Итого 2/13-107403. от 6/11/40</p> <p><i>Моденский</i></p> <p>Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР</p>	

№ 892331 131

Удостоверение

Предъявитель сего гр. Семьяк Станислав Федорович
 1894 г. р. Борово, Тамбовская губерния, с. Тамаша
(фамилия, имя, отчество год и место рождения)

на основании Указа Президиума Верховного Совета амнистирован как польский гражданин и имеет право свободного проживания на территории СССР за исключением пограничной полосы, запретных зонах, местностей, объявленных на военном положении и режимных городов первой и второй категории. При нем находятся: _____

(фамилия, имя, возраст и отношение к владельцу удостоверения)

Направляется к избранному им месту жительства г. Астрахань
Тамбовская обл. ст. Астрахань, 2-й эт. 7

Удостоверение действительно на три месяца и подлежит обмену на паспорт.

Изложенное удостоверяется подписью и печатью.

Начальник Моденского ИТЛ НКВД *Моденский*

После нападения нацистской Германии на Советский Союз и после заключения «договора Сикорского-Майского» 30 июля 1941 г. Советский Союз обязался предоставить амнистию всем польским военнопленным и содержащимся в заключении на советской территории польским гражданам. Следующий документ являет собой удостоверение, выданное бывшим беженцам из Польши, в котором зафиксировано право «на свободное перемещение» и в то же время определено их место жительства в весьма удаленных от западной границы районах Советского Союза (Чкаловский район в Северо-Казахстанской области, Астрахань Сталинградской области).

Пересмотр данного уголовного дела в эпоху перестройки завершился постановлением Кировоградского областного суда от 7 декабря 1988 г.: *«Постановление №149 Особого совещания при НКВД СССР от 25 ноября 1940 г. отменить. Уголовное дело производством прекратить ... за отсутствием в нем состава преступления»*.

А до войны оставалось 4 дня...

ИГЕЛЬНИК (д.№ 8074-ФПД)

Постановления на арест Игельника Мошеля (Арика) Ароновича, 1912 года рождения, и Игельника Симона Израилевича, 1910 года рождения, были утверждены зам. начальника УНКГБ по Кировоградской области Добкиным 18 апреля 1941 года. Оба обвинялись в том, что *«в начале 1940 года нелегально перешли государственную границу из Германии в СССР, проживая в гор. Кировограде, проводили активную антисоветскую агитацию, восхваляя жизнь в б/Польше и Германии»* [Л.д. 1-а, 2 -4].

С самого начала в материалах дела присутствуют некоторые неувязки: Игельники называют себя братьями, хотя отчества у них разные; Мошель то «Мошек», то «Мошко»; Симон – часто «Сима», Симка»; Мошель в разделе анкеты арестован-

ного «Состав семьи» указывает: «брат, Сима Израйлевич, сестра, Игельник Мария Израйлевна, проживает в г. Севск Орловской обл.; сестра, Вейс-Игельник Полина Израйлевна, и сестра, Игельник Ренина Израйлевна, проживают в г. Львов; брат, Игельник Хершнер Израйлевич, Тернопольская обл.», а также «на территории Германии проживает жена моего брата Игельника Симона Израйлевича некая Игельник Эстер, девичья фамилия Зигмунтович, проживает она в городе Томашев-Мазовецкий» [л.д. 9, 18];

Симон о себе сообщает, что он холост и данных о каких-либо родственниках не приводит [л.д. 10], хотя в ходе последующих допросов упоминает о брате, Игельнике Хенике Израйлевиче (г. Тернополь); сестре, Вайс Полине Израйлевне и её муже, Вайс Юзефе (гор. Львов); сестре, Юзефович Марие Израйлевне и её муже, Юзефовиче Юзике, проживавшим на то время в г. Севске Орловской области; жене, Зигмунтович Эстере-Райзель, 1909 года рождения, её братьях, Янкеле, Шиме и Шмуле, сестре, Марии; брате матери Копловиче Авруме, сестре матери, Вичковской Хае, и её муже, Бене (г. Лодзь); брате отца, Пинхусе Игельнике, с 1917 г. проживавшем во Франции [л.д.23 – 32].

Братьев допрашивали разные сотрудники Управления НКВД: Мошеля – сержанты г/б Куриленко и Мельников, Симона – Мельников, Масальский и Барсуков. Как и любой продукт человеческой деятельности, текст протокола допроса определённым образом отражает черты личности и допрашиваемого, и допрашивавшего. На наш взгляд, протокол допроса Мошеля Игельника демонстрирует его некоторую рисовку, позёрство, стремление придать себе ненужную в той ситуации «важность». Так, на вопрос «Проживая в бывшей Польше, принадлежали ли Вы к каким-либо партиям? Подвергались ли Вы каким-либо репрессиям со стороны бывших польских властей?» он отвечает «Проживая в Польше, я никогда ни к каким партиям не принадлежал. Примерно в 1936 году в июне или июле месяце я был арестован польской полицией за участие в забастовке на заводе Оскаркон и доставлен в польскую полицию. Где пробыл при-

мерно около 3-х часов, откуда меня отправили в другое здание, кажется, в помещение «дефензивы» (польская служба контрразведки и политической полиции, прим. авт.), где я прошёл проверку, т.е., меня проверяли, имею ли я что-либо компрометирующее за собой, но т.к. ничего не оказалось, меня скоро освободили».

Упоминание о «дефензиве» выдаётся явно лишним и немотивированным, так оно впоследствии влечёт за собой прояснение этого момента следствием: «Вопрос: Подвергались ли Вы допросу сотрудниками «дефензивы»? Ответ: Да, допросу сотрудниками «дефензивы» я подвергался. Вопрос: Какими вопросами интересовались при допросе? Ответ: Допрашивая меня, сотрудники «дефензивы» требовали, чтобы я рассказал, кто является организатором и руководителем забастовки, однако я ничего не сказал, после чего меня избили и освободили из-под стражи. Вопрос: Внесите ясность, Вы допрашивались сотрудниками «дефензивы» или же польской полиции? Ответ: Я допрашивался сотрудниками польской «дефензивы». Вопрос: Когда Вас освобождали из-под стражи, отбирали от Вас какую-либо подписку? Ответ: При моём освобождении из-под стражи никакой подписки от меня не брали. Вопрос: Арестовывались ли Вы немецкими властями в момент занятия ими территории бывшей Польши? Ответ: В момент занятия немцами гор. Варшава я был задержан полицией и направлен на работу по очистке города после бомбардировки, где проработал около 4-х дней, после чего удрал в гор. Лодзь, где проживал в то время мой брат» [Л.д. 15-19].

Симон Игельник рассказывает о жизни в Польше, что родился он в 1910 году в Варшаве, но ещё ребёнком был вывезен родителями в Лодзь. Его отец умер приблизительно в 1915 г., а мать – в 1918. «После смерти отца, Азриль Хаима Игельника меня вместе с младшим братом отдали в дом для сирот, причём я воспитывался в одном доме по Полуночной улице в г. Лодзи, брат мой Арон воспитывался во втором доме по Средней улице, № дома не знаю. Впоследствии эта улица стала называться Поморской улицей. В дома для сирот нас отдала мать, Шифра-Мария Ко-

плович, по отцу Игельник... Я воспитывался в доме сирот до 12-летнего возраста, а брат Арон – лет до 13-14.»

После выписки из дома сирот он работал на различных мебельных предприятиях, в 1931 году был призван в польскую армию (рядовой 18-го пехотного полка, г. Скерневицы). В 1934 году в г. Лодзи женился и выехал работать в г. Томашов-Мазовецкий, где в описываемый период проживала его семья, жена и дочь. Образование – 4 класса польской школы, русский язык выучил самостоятельно за время проживания в СССР [Л.Д. 23-27].

Решение переехать на жительство в СССР братья Игельники приняли совместно в г. Томашов-Мазовецкий. Они выехали поездом через Варшаву и Седлец к границе, остановились на станции Немойки, откуда неизвестный им местный житель довёл их до пограничной деревни, далее в составе группы таких же искателей счастья (или приключений!) их на лодке переправили через реку Буг на советскую сторону. Здесь их задержали вооружённые люди в гражданской одежде, проверили документы и отпустили.

Рассказ о том же факте в устах младшего брата выглядит более красочно и интригующе, в чём мы опять усматриваем ненужную браваду: *«переход границы с территории б. Польши, ныне занятой Германией, мной и моим братом, Игельником Симой Израйлевичем, осуществлялся ночью. Нанятый проводник в лодке переправил нас на территорию СССР. В эту же ночь он переправил ещё человек 20-25. Ночь была тёмная, моросил дождь. Проводник избрал место для переправы, где ни с германской стороны, ни с советской не было пограничников. Переправив на сторону СССР, по договору проводник должен был указанную группу проводить в село на территории СССР, в какое село – я не помню.*

Я с братом, опасаясь того, что большую группу людей на территории СССР могут поймать, пошли вдвоём. Шли мы целую ночь, часа в 2-3 ночи нас осветили прожекторами и начали стрелять. Мы положились на землю и так пролежали до утра. С рассветом мы поднялись и пошли. Выйдя на шоссе, которое вело в какое-то село, а может быть и город. Шли мы приблизительно до

4-5 часов утра и на шоссе были задержаны представителями какого-то местного управления, которые были одеты в штатском, но имели винтовки. Привели нас на какую-то станцию, названия которой я не знаю, обыскали, допросили и мы были отпущены» [Л.д.16-17].

Братья добрались сначала до Ковеля, а затем до Львова, где около двух месяцев проживали у сестры, Вайс Полины, после чего завербовались на работу вглубь территории СССР: Симон – в г. Севск, Арон – в г. Вологду. Через 3-4 месяца переехали в г. Одессу, где им отказали в прописке и посоветовали ехать в г. Кировоград, что они и сделали [Л.д. 27-28]. Свою вину в незаконном пересечении государственной границы СССР 30 октября 1939 года братья признали [Л.д.18, 31]. За это преступление им грозил в лучшем случае штраф, в худшем – трудовой лагерь на пару лет, но им не повезло дважды: они оказались и не в том месте, и не в то время...

На допросе 16 мая 1941 года Симон Игельник подтвердил, что его жена, Эстер-Райзель, проживала в г. Томашов-Мазовецкий, ул. Вечности, дом №38. Она отказалась переходить в СССР вместе с мужем из-за 4-летней дочери. После устройства в СССР Симон обещал семье вызвать их через консульство к себе [Л.д.32].

Сообщённые братьями Игельник на этом этапе следствия личные данные, несмотря на истечение значительного времени, могут, по нашему мнению, быть использованы для поиска дополнительной информации о судьбах членов этой семьи. Это прежде всего архивы детских приютов для сирот, где воспитывались братья, мебельные мастерские Боренштейна, Нашельского, Вульфа Теркельтова, где работал Симон в, соответственно, 1922–1926 гг., 1926–1928 гг., и 1928–1931 гг. Далее, это возможно сохранившиеся материалы о его призыве в польскую армию в 1931 году и о последующей службе в 18-ом пехотном полку, а также о бракосочетании в 1933 или 1934 году с Зигмунтович Эстерой-Райзель, о рождении их дочери, Марии. Игельник Арон якобы работал слесарем на фабрике «Видзевска

мануфактура» в г. Лодзи, что также может быть установлено и проверено. Теоретически проверяемыми фактами могут стать и работа Арона в паровозном депо г. Львова сразу после перехода границы, и вербовка братьев на работу вглубь страны.

28 апреля 1941 года братьям предъявляют одинаковое обвинение по ст. 54-10 УК УССР: «в ноябре месяце 1939 года он совершил нелегальный переход государственной границы из Германии в сторону СССР. Не будучи арестованным он, Игельник, выехал вглубь Советского Союза и, проживая в городе Кировограде, начал вести систематическую агитацию, направленную против Советской власти, при этом восхваляя жизнь в капиталистических странах» [Л.д.22, 35]. Допросы свидетелей этой «агитации» были начаты ещё в середине апреля 1941 года.

* * *

Здесь мы несколько отвлечёмся от судеб братьев Игельник, чтобы охарактеризовать политическую ситуацию того времени на территориях СССР (и Украины в частности) Польши и Германии.

В Германии Нюрнбергский закон от 1935 года, определяя еврейство по происхождению, одновременно лишал евреев возможности участвовать в политической и экономической жизни государства (программа «ариенизации» была направлена на лишение евреев их имущества). 17 тысяч граждан Польши еврейской национальности были депортированы из Рейха в Польшу; при погроме «Хрустальной ночи» в начале ноября 1938 года были убиты десятки евреев, разрушены и разграблены сотни синагог, тысячи магазинов и лавок¹³.

Экспроприация, запугивание и эмиграция стали вариантами «решения» еврейской проблемы в Германии, хотя евреи и составляли всего около 0,5 % населения страны.

В Польше проживали более трёх миллионов евреев, и хотя власти страны не планировали национальных операций по об-

¹³ Tomaszewski J. Preludium Zagłady. Wygnanie Żydów polskich z Nemeż w 1938 r. – Lodz: PWN SA, 1998. – pp.5, 139.

разу и подобию операций НКВД в СССР или схожих с нацистскими планами, «они всё же хотели уменьшить число еврейского населения через добровольную эмиграцию. После смерти польского диктатора Юзефа Пилсудского в 1935 году его преемники стали в этом вопросе на позицию польского национализма и основали правящую партию, в которую могли вступить только этнические поляки. В конце 30-х годов польское государство поддерживало цели правого крыла ревизионистов-сионистов Польши, которые хотели создать (если нужно – силой) очень большое государство Израиль в Палестине под британским управлением»¹⁴.

В течение нескольких лет Берлин старался убедить Варшаву в необходимости совместной наступательной войны на советской территории, однако политические наследники Пилсудского исповедовали политику равноудалённости от Берлина и Москвы со взаимными договорами о ненападении. Тщетность этих попыток могла подсказать Гитлеру идею создания еврейской резервации в завоёванной Польше с возможностью последующего более кардинального решения *Judenfrage*. В конце марта 1939 года вермахт получил указания фюрера готовить вторжение в Польшу.

Мюнхенская конференция в сентябре 1938 года стала уступкой экспансионистским планам Гитлера, способствовала развёртыванию его взглядов на Восток¹⁵. Сталин и Советское правительство достаточно хорошо понимали, что Англия и Франция слишком озабочены ростом могущества и агрессивностью Германии, чтобы прийти на помощь Восточной Европе в случае нападения на Польшу Германией или Советского Союза. Весной-летом 1939 года оба эти режима обнаружили общность интересов в разрушении Польши. Гитлер рассматривал Польшу как «нереальное порождение» Версальского договора, а Молотов – как его «уродливое детище». Договор, подписанный в Москве 23 августа 1939 года очертил зоны влияния нацистской

¹⁴ Цит. по: Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным/ Тимоти Снайдер; [пер. с англ. Л. Зурнаджи] – К.: Дуліби, 2015. – С. 157.

¹⁵ Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933-39. – p. 194.

Германии и «первого в мире государства рабочих и крестьян», одновременно открыв дорогу для реализации присущей им обоим политики массового уничтожения по расовому, политическому, социальному принципу. Как утверждает Т. Снайдер, за двадцать один месяц после совместного немецко-советского вторжения в Польшу немцы и СССР убили примерно равное количество гражданских лиц по схожим причинам, пока каждый из союзников осваивал свою половину оккупированной Польши¹⁶.

Евреев изгнали из Германии и большинства территорий Центральной и Западной Европы в позднем Средневековье, Польша стала таким образом центром иудейских поселений континента. В 1939 году евреи составляли около 10% населения страны, проживая компактными общинами, в которых сохранялись национальные и религиозные обычаи, одежда и язык (идиш, который немцы считали искажённым вариантом своего языка). В столице, Варшаве, и крупном индустриальном Лодзи евреи составляли до трети населения. Немецкие солдаты и офицеры, считавшие, что всё красивое, толковое и правильное было создано на территории оккупированной ими Польши немцами, а вся грязь и беспорядок возникли в результате еврейской коррупции и польской лени, полагали своей миссией наведение порядка в стране. Эта процедура предполагала, в частности, физическое уничтожение «лишних».

Польша практически прекратила своё существование, когда в войну вступила Красная Армия. Поначалу её миссия носила миротворческий характер защиты крупных по своему составу этнических меньшинств белорусов и украинцев на территории Польши. Практически по стопам армии шли органы НКВД СССР, организовавшие тщательную «зачистку» новоприобретённой территории, одним из ярких синонимов которой стало слово «Катынь». Подавление любого польского сопротивления союзникам стало обязательным. «Польскость» и «еврей-

¹⁶ См.: Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным/Тимоти Снайдер; [пер. с англ. Л. Зурнаджи] – К.: Дуліби, 2015. – С. 162.

скость» безжалостно преследовались сотрудниками карательных органов и Германии, и СССР.

Невыносимо сложно пришлось членам семей репрессированных польских офицеров и представителей научной и творческой интеллигенции: женщин с детьми НКВД депортировал в казахские степи и сибирскую тайгу, где от холода, голода и болезней они гибли тысячами. Детали и цифры этих акций стали подробно известны сравнительно недавно, однако сведения об отношении оккупантов к местному населению (часто безотносительно к национальности) распространялись по Польше как в виде слухов, так и как свидетельства очевидцев.

* * *

Ещё в постановлении на арест [Л.д.1-а] содержатся показания свидетельницы Фридман М.И., что *«в настоящее время Игельник антисоветски настроен, клеветает на Советскую власть. Сравнивая рабочего в СССР с рабочим капиталистического государства Игельник говорит, что «в СССР рабочий нищий, оборванный и т.д.»*. Эту линию следствие выбрало в качестве основной, устанавливая и допрашивая свидетелей подобных высказываний Игельников. Судя по всему, ещё в ходе оперативного наблюдения, которое велось за ними до ареста, была выявлена излишняя болтливость и позёрство младшего из братьев, потому сержант госбезопасности Мельников и стал в первую очередь документировать «антисоветскую агитацию» Мошеля Игельника.

Так, свидетель Матвеенко Николай Васильевич, 1903 г.р., украинец, кандидат в члены ВКП(б), с низшими образованием, мастер цеха завода «Красный Профинтерн» 14 апреля 1941 г. сообщил об отказе М. Игельника от работы из-за низких расценок, приведя слова того: *«расценки ничтожны, заработать нельзя, я хожу оборванным, босым и голодным. Для того, чтобы прожить, нужно не менее 25 рублей, а Вы мне даёте 1-2 рубля»* [Л.д.38-39].

Слесарь того же цеха Лазаренко Виктор Иванович, 1913 г.р., украинец, кандидат в члены ВКП(б), с низшими образованием,

15 апреля 1941 года отметил, что М. Игельник «систематически клеветал на жизнь в Советском Союзе, т.е., говорил, что в СССР жизнь очень плохая, что здесь ничего нет, народ голодает, а вот в Польше было всего вдвойне, а в Германии ещё лучше. Он привёл пример, что, когда приехал в СССР, он привёз с собой 5 костюмов, которые продал и проел, т.к. заработки в Советском Союзе ничтожны и не хватает на жизнь. Тут же он мне заявил, что в СССР хорошо живётся только шпионам, т.к. их работа хорошо оплачивается капиталистическим государством». Тогда же ему Игельник сказал: «в Советской тюрьме намного хуже, чем в б/Польше и в Германии» [л.д.43-44]. Подобные заявления в определённой степени подтверждают наше мнение о глупом мальчишестве со стороны Мошеля Игельника.

Дальнейшее подтверждение тому встречаем в показаниях от 3 марта 1941 года свидетеля Котляревского Григория Соломоновича, 1900 г.р., еврея, члена ВКП(б), с низшими образованием, зав. складом артели «Пролетарий»: «В процессе происходивших между нами разговоров Игельник Мошель Аронович всё время восхвалял бывш. польское государство, хвалил Пилсудского, называя его «золотой человек», и даже нарисовал его портрет, показывая присутствующим» [л.д.47] (не правда ли, оригинальная агитация с помощью нарисованного портрета? прим. авт.). В тот же день Игельник «сравнивая жизнь в Советском Союзе и в б/Польше, заявил, что стало быть построен социализм, а вот в Советском Союзе коммунизм построить не могут... капиталисты вообще хорошие люди, рабочих они никогда не обижают, создают им всегда условия, что они намного лучшие хозяева, чем здесь, у нас... коммунист – это тот же вор, только вор арестовывается потому, что крадёт, а коммунист потому, что ходит с прокламациями и красными флагами... в Советском Союзе нет ничего хорошего, за что можно было бы воевать» [л.д. 48].

По приезду в г. Кировоград братья Игельники одно время снимали угол по адресу ул. Шевченко, 65. Их квартирный хозяин, Тарадаш Виктор Ильич, 1904 г.р., еврей, беспартийный, с низшими образованием, начальник овощного отделения облпот-

ребсоюза, на допросе в качестве свидетеля 3 апреля 1941 года рассказал, что *«Игельник Мошель Аронович, проживая в б/Польше, жил там довольно хорошо, так как по его личным рассказам имел свою собственную мастерскую, где имелось оборудование – станки. Чем занимался там Игельник Симон – мне неизвестно, так как он о себе никогда ничего не говорит, вообще, Симон очень осторожен и скрытный, Игельник же второй – Мошель, очень разговорчив...»*

Игельник Мошель часто высказывал недовольство по поводу временных экономических трудностей: «Всё же в б/Польше было гораздо лучше, я имел несколько пар обуви, и если мне понадобится было купить, то я ещё мог свободно пойти в магазине купить себе, там всегда было. А вот смотрите: здесь я хожу в порванных ботинках, а купить не могу.»

Касаясь вопросов международного положения, Игельник Мошель говорит, что Германия в своей борьбе должна победить, она сейчас начала действовать на море, а когда там всё разгромит, победа окончательно будет за ней» [л.д. 53].

Уже упоминавшаяся нами свидетель Фридман Марианна Ильинична, 1901 г.р., еврейка, беспартийная, бухгалтер трудшколы №6, проживавшая по адресу ул. Гоголя, 95, 9 апреля 1941 года рассказала, что примерно в первых числах июля 1940 года её соседи, Могилевские Владимир Израйлевич и Екатерина Григорьевна, попросили приютить ребёнка двух беженцев из Польши. Она согласилась из жалости к ребёнку. В это же время другие её соседи, Духовные Яков Семёнович и Анна Самойловна взяли на квартиру Игельника Симона Израйлевича, *«который якобы является дядей этого ребёнка. После того, как я приютила у себя этого ребёнка, Игельники Симон и Арик (Мошель) стали частыми посетителями моего дома» [л.д. 62-63].*

В разговорах Игельник Мошель хвастал, что он якобы имел в Варшаве собственную механическую мастерскую по ремонту велосипедов и мотоциклов, одновременно с этим был членом какого-то спортивного общества, разъезжал по городам, участвуя в соревнованиях по боксу; проживая в г. Вологде после

перехода в СССР, он якобы находился в близких отношениях с женой какого-то сотрудника НКВД [л.д.63-64]. О том, что он владел механической мастерской, в которой было 7 человек наёмных рабочих, Арон (Мошель) рассказывал и Павловской Софье Соломоновне, у которой братья снимали угол [л.д.71]. Подобное поведение Игельника-младшего только подтверждает нашу уверенность в его несерьёзности.

В процессе очных ставок со свидетелями Фридман, Матвеев, Никитиной в период с 29 мая по 17 июня 1941 года Игельник Мошель полностью отрицал их показания о восхвалении им условий жизни в Польше и Германии [л.д. 80-87]. В это же время были проведены очные ставки Игельника Симона со свидетелями Фридман, Гербер, Никитиной, в ходе которых он подтвердил, что говорил о том, что рабочие в Польше получали больше денег и жили лучше, чем рабочие в СССР [л.д. 88-92].

19 июня 1941 года Управление НКГБ по Кировоградской области утвердило обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось, что *«Игельник Мошель Аронович и Игельник Симон Израйлевич 30 октября 1939 года при помощи проводника (лодочника) нелегально перешли границу с Германией в сторону Советского Союза. Кроме того, следствием установлено, что они с 1940 года по день ареста среди населения города Кировограда систематически проводили антисоветскую агитацию, восхваляя при этом жизнь рабочих в б/польском государстве и клевета на жизнь рабочих в Советском Союзе»* [л.д. 95-97]. Обвиняемые содержались в тюрьме г. Кировограда, дело направлялось по подсудности.

30 июня 1941 года коллегия Кировоградского областного суда по уголовным делам приговорила братьев к лишению свободы в дальних лагерях сроком на 10 лет каждого с последующим поражением в правах на 5 лет [л.д. 118].

В 1966 году Израилова Сабина Адольфовна (гор. Одесса-18, Зелёная, 4-2) обратилась в судебную коллегия по уголовным делам народного суда г. Кировограда с просьбой выслать ей копию судебного решения о реабилитации брата её матери Игель-

Симон Игельник во время службы в 18-ом пехотном полку Польской армии (1931-1933 гг.)

Симон, вероятно, в свадебном костюме (1933 г. или 1934 г.)

Слева в лодке Симон Игельник с дочерью Марылей, вероятно, лето 1938 г.

Вероятно, родственники братьев Игельник

Жена Симона Игельника Эстер с дочерью Марылей. Предположительно, лето 1940 г. Томашев-Мазовецкий

ника Семёна (так она его называет) Израйлевича. Документ требовался для оформления ему пенсии [л.д.120]. По словам просительницы, её второй родственник погиб в местах лишения свободы. В деле имеются данные о том, что Игельник С.И. отбывал наказание в г. Свияжске ТАССР, п/я 148/5, освобождён 06.11.1944 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10.08.1944 года. Данных о его дальнейшей судьбе в деле нет.

4 октября 1966 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР приняла постановление об отмене приговора Кировоградского областного суда в отношении Игельника Мошеля Ароновича и Игельника Симона Израйлевича, дальнейшее произволство прекратить в связи с отсутствием в их деяниях состава государственного преступления [л.д. 126]. Справка о реабилитации Игельника Симона Израйлевича направлена заявительнице [л.д. 131].

Именно началом 1941 года датированы письма Эстер Игельник в далекий город Кировоград Центральной Украины, где проживал и работал ее муж Симон. В письмах, несмотря на проверку военной цензурой вермахта, зримо предстают тяготы жизни в гетто и нарастающее беспокойство молодой женщины о ее дальнейшей судьбе и в еще большей степени – о судьбе маленькой дочери Марыли.

20 февраля 1941 г.

Любимый Шимка, получила два письма, за которые сердечно благодарю. Шесть недель прошло, как я отправила заявление [в Народный комиссариат иностранных дел в Москве – прим. авт.], но ответа нет.

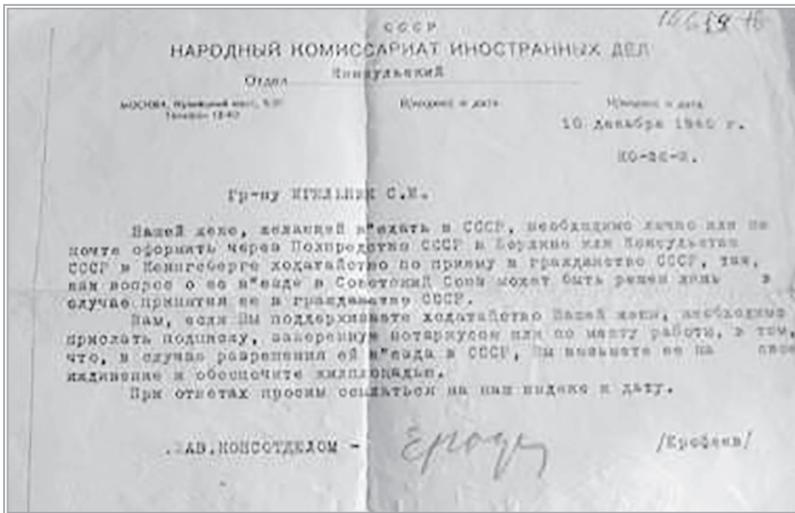
Еще ни одна женщина не выехала легально к своим мужьям. А ты говоришь, чтобы я ждала бумаг. Я не знаю, когда это произойдет.

Я в критической ситуации. Не мог бы ты выслать посылку? Продать мне уже нечего, так как ничего не осталось. Шимка, ты не можешь представить себе мое положение. О легальном выезде не может быть и речи.

Любимый Шимка! Если хочешь мне помочь, то вышли

Amsterdám dnia 28/5 410
15 f 17
Kochanemu Szymkowi list tenaj obywatelom na
Nłony to szerokiej duszy, to tym samym dniu
obywatelom po 6 tygodniach ofiarności a Konsul
to Konsul mi pisze że przysłał miż prośbę i
przysłał mi 4 formularze według to wypełnić i
fotografji odcie mnie i to wszystko wysłać i
wysłać spowrotem i w te papiery ja mam
wziąć 5 do 6 miesięcy nie ja to wszystko wzięto
wziąć i wysłać w spowrotem tak jak Karolus
a jaśno takie zdjecie przysłać Felic. H. Szymka
ja mam czekać na papiery tak długo chyba że
ty Szymku możesz tam pospieszyć bo to więcej
nie mogę robić to mogę ci jinore pisać że zadna
Kobieta nie jechala dotychczas legatnie tyłto imię
drogo nie Szymku pisać mi co ja mam robić
Teraz H. Szymku pytasz się dlaczego mieszkać
w Koiw, a dlaczego nie jestem u braci to ci
mogę pisać że Jankeł nie ma mieszkanie

Первая страница письма Эстер

Ответ Игельник С.И. из НКВД СССР

Конверт письма Эстер со штампом цензуры вермахта. Источник: ГАКО, д. 8074, л.156

посылку. Через Полю [сестра мужа Игельник-Вайс Поля Израйлевна, проживала во Львове – прим. авт.]. А если ты этого не сделаешь, то у меня нет выхода...

Я не знаю, когда закончится мое терпение. Будем ли мы еще вместе. Я не могу больше. Я еще надеюсь, что мы встретимся... Больше писать не о чем.

Прощаюсь, твоя Эстера и твоя дочурка Марылочка, которая хочет тебя увидеть, как можно быстрее.

Сердечный привет от Розы и от всей моей семьи.

Здесь следует сказать о том, что бежавшим в Советский Союз польским евреям в 1940 г. было предложено принять советское гражданство. Тех, кто отказался от него, вывезли в глубь Советского Союза в спецпоселения. Получив советское гражданство, Симон Игельник обратился в НКВД СССР с просьбой разрешить въезд в СССР своей жене и дочери, на что получил следующий ответ (см. фото), датированный 10 декабря 1940 года..

В своем следующем письме мужу Эстер пишет, что получила письмо из советского консульства, но особых надежд на воссоединение семьи к этому времени она уже не имела.

28 февраля 1941 г.

Любимый Шимка, получила письмо из консульства спустя шесть недель. Консул написал, что принял мое заявление и прислал 4 формуляра для заполнения, он также просит 5 моих фотографий и все это выслать почтой. А потом я должна ждать ответа 5-6 месяцев. Я все это сделаю и отправлю.

Любимый Шимка! Но это так долго ждать! Не мог бы ты поторопить их, так как я ничего не могу сделать. И могу также написать, что еще ни одна женщина не выехала легально. Только другой дорогой. Напиши, что мне делать.

Ты спрашиваешь, почему я живу у Розы, а не у Янкеля (брат 28 февраля 1941 г. Эстер – прим. авт.). Но у него нет жилья. Еще хорошо, что у меня есть такое жилье, хотя оно и очень холодное и влажное.

Марыльку опекают тетя и дядя (возможно, речь идет

о брате матери Эстер Копловиче Авруме, и сестре матери Вичковской Хае – прим. авт.).

Много посылок приходит из Львова, по 10 кг.

Любимый Шимка, не могу сейчас много писать, так как наступило страшное время.

Любимый Шимка, пиши больше о себе. Напиши, что мне делать, чтобы быть вместе с тобой. Я не могу больше терпеть, а Марылька страшно тоскует по тебе. Напиши, что слышно у Мани.

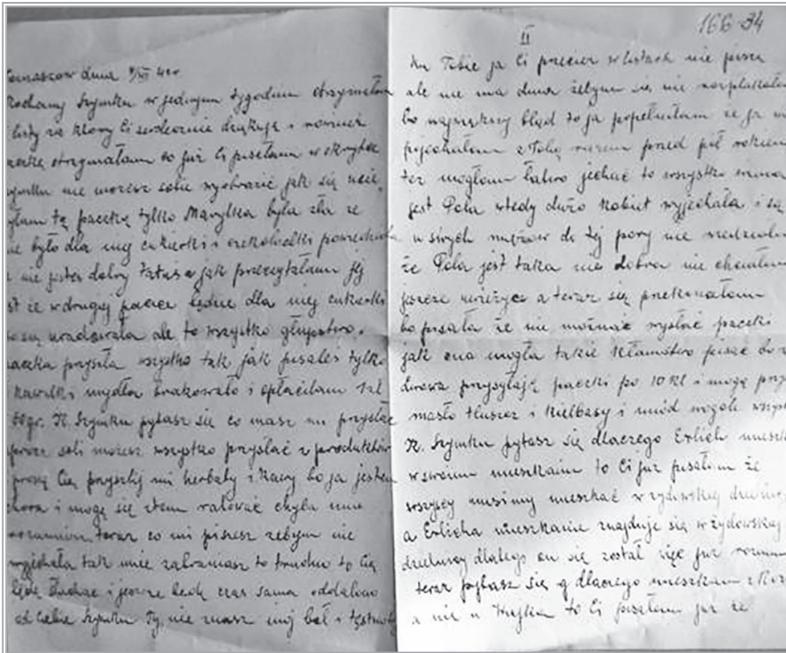
Прощаюсь с тобой, не забывай своей Эстеры. Сердечный привет от Розы и всей моей семьи.

Остаемся твои Эстера и Марыльчка.

В письме от 4 марта 1941 г. Эстер впервые упоминает «еврейский район», в котором они должны были жить. Очевидно ее беспокойство по поводу нехватки продуктов питания. Известно, что уже «летом 1949 г. Немецкая гражданская администрация установила следующие нормы продовольственного обеспечения для лиц еврейской национальности: 2,8 кг хлеба, 0.2 кг сахара, 01 искусственного кофе на одно лицо на месяц – половину данной нормы – для поляков» [Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Volume II. Ghettos in German-Occupied Eastern Europe. P. 336].

4 марта 1941 г.

Любимый Шимка, получила на этой неделе два письма, за которые сердечно благодарю. Шимка, ты не можешь себе представить, как рассердилась Марылька, что для нее не было ни конфетки, ни шоколадки. Она сказала, что ты не хороший отец. Но как только я прочитала ей письмо, что в следующей посылке будут конфетки, то она очень обрадовалась. Но это все глупости. Посылка пришла так, как ты писал, только не было 2 кусочков мыла, и я заплатила 1 злотый и 60 грошей. Любимый Шимка, ты спрашиваешь, что еще прислать. Кроме соли можешь прислать любые продукты. И прошу, вышли чай и кофе, потому что я болею, и я надеюсь, что ты меня понимаешь.

Письмо Эстер Симону от 4 марта 1941 г.
Источник: ГАКО, д. 8074, л.156.

Ты пишешь, чтобы я не ехала, ты мне запрещаешь. Тяжело мне это слышать и еще труднее находится длительное время далеко от тебя. Шимка, ты не знаешь мою боль и тоску по тебе. Не проходит и дня, чтобы я не плакала, так как самую большую ошибку я сделала тогда, когда не поехала с тобой. Много женщин выехало к своим мужьям.

До сих пор я не знала, что Пола такая нехорошая. Раньше я не хотела этому верить, а теперь убедилась, так как она писала, что нельзя присылать посылки. Как она могла написать такую глупость? Из Львова посылки приходят по 10 злотых, в них высылают и масло, и жир, и мед. И вообще все.

Мы все должны жить в еврейском районе. Ты спрашива-

еешь, почему Ерлих живет в своем доме. Я тебе уже писала, что дом Ерлиха находится как раз в еврейском районе.

Ты меня спрашиваешь, почему я мало о себе пишу. Но что писать, если ты и так понимаешь, что работы нет. Я уже потеряла надежду, что ты хочешь слышать обо мне.

Дорогой Арко [Мошель, брат Симона – прим. авт.], мне очень приятно, что у тебя есть красивая девушка, которую ты любишь.

Что касается твоих фотографий, то я не знаю, где они. Вышли, когда найду.

Твои королева Эстера и принцесса Марылочка. Сердечный привет от Розы и всей нашей семьи.

Кассир-любитель

ВЕЙЦМАН ЗЕЛЬМАН МАТУСОВИЧ, Д.10679-П

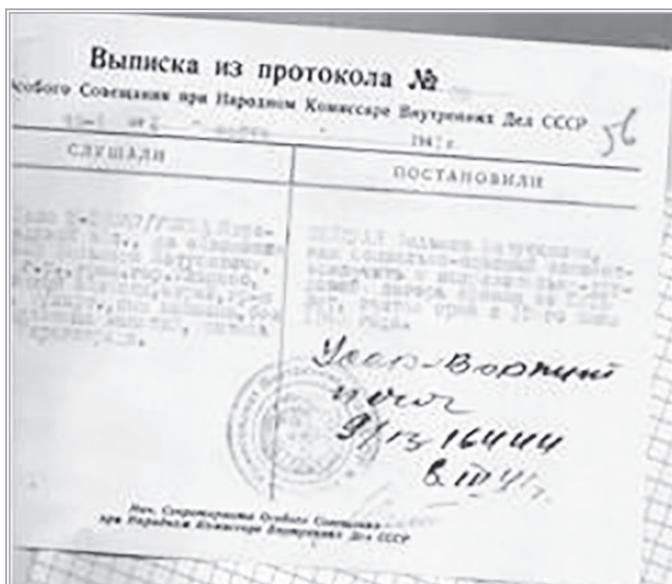
Спрос рождает предложение. В достаточно напряжённой социально-экономической ситуации 1939-41 годов многие беженцы в СССР из оккупированных Германией территорий Польши на горьком личном опыте поняли, что проводившаяся советскими органами пропагандистская кампания о радостной жизни трудящихся страны ничего общего с реальными условиями жизни этих самых трудящихся не имеет. Это разочарование подтолкнуло к поискам выхода из сложившегося положения, одним из вариантов которого могло стать возвращение домой. На этом пути было немало трудностей, прежде всего – проблема с проездными билетами, спрос на которые, похоже, не преодолен и до сих пор.

Билетные спекулянты возникли одновременно с возникновением средств передвижения. Сведений о спекуляции билетами на дилижансы и отдельных почтовых лошадей мы не искали, но вот историй о злоупотреблениях при продаже билетов на поезда в избытке и сейчас.

19 июля 1940 года экономический отдел Управления НКВД по Кировоградской области арестовал некоего Вейцмана Зельмана Матусовича, 1907 года рождения, уроженца Винницкой области, еврея, без определённых занятий, проживавшего в г. Кировограде, ул. Яна Томпа, 37, за то, что тот «на протяжении 1940 года среди прибывших из Западной Украины и Западной Белоруссии беженцев проводил провокационную деятельность за необходимость возврата их на родину, для чего покупал им ж.д. билеты, получая с них, беженцев, тройную стоимость, одновременно способствовал организованному убийству беженцев из г. Кировограда.

Указанная деятельность со стороны Вейцмана свидетельствует о том, что он намеревался содействовать иностранной буржуазии путём выезда недовольных Советской властью отдельных беженцев на родину – за границу, посеять клевету на Советский Союз» [л.д. 2].

На допросе выяснилось, что Вейцман проживал без паспорта. Обвиняемый пояснил: «В январе 1940 года на рынке г. Кировограда я стоял у магазина Кирторга,.. в это время из моего

УТВЕРЖДАЮ

48
ФОРМА № 3

Начальник Следственной части

и Начальник Упол. Отдела

НКВД УНКВД *Зарубин*

№ *10* тома 1940 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о предъявлении обвинения)

Город *Кировоград* 1940 г. *25/10* дня, *Оперуполномоченный З/с отп. УНКВД по Кировоградской области — Макошова*
(должность, отдел и орган)
(имя и фамилия)
рассмотрев следственный материал по делу № *10057* и приняв во внимание, что *Вейцман Зейсман Матвеевич*
(фамилия, имя и отчество)

достаточно изобличен в том, что *он* на протяжении 1940 года, среди прибывших беженцев из Западной Украины и Белорусии, *проводил провокационную работу* (перечислить все пункты обвинения)
дети *действительно*, за необходимость возврата их на родину, для чего покупал или *М.З. билеты*, *получал с них провозные отчисления*.

Сам лично посетил квартиры беженцев предлагая им билеты для проезда по М.З. и при этом говорил "Ваши ноги отсюда выехать а то вам будет плохо"

Указанная деятельность со стороны Вейцмана свидетельствует о том, что он намеривался содействовать иммиграции буржуазии путем выдачи недовольных Советской властью отделившихся беженцев на родину — за границу, повести их в качестве Советский Союз.

кармана брюк у меня похитили паспорт, профсоюзный билет и деньги, 30 рублей. О хищении паспорта я в тот же день заявил в паспортный отдел милиции». Далее последовал интересный диалог: «Вопрос: Следствие располагает данными, что вы продали паспорт, принадлежащий вам, иностранной разведке. Признаёте в этом себя виновным?» Ответ: «Подтверждаю, что паспорт у меня уворовали в январе 1940 года на рынке и я его никому не продавал» [Л.д.16-17]. Просто искренне жаль, что такая интересная и безумно перспективная тема, как продажа паспортов иностранным разведкам не получила дальнейшего развития! Может, потому, что следователя отправили на консультацию к врачам соответствующего профиля?

Проведенным расследованием деятельность Вейцмана по агитации беженцев за выезд из СССР и снабжении их проездными документами подтверждена, хотя сам он её на допросах и при очных ставках отрицал. Схема приобретения Вейцманом билетов на поезда в стране, где свобода передвижения населения была несколько ограничена, в ходе следствия не выяснялась. Не исключено, что действовал он не без помощи рабоче-крестьянской милиции, секретным сотрудником которой под псевдонимом «Савенков» он являлся [Л.д. 46], однако не станем оговаривать наших правоохранителей.

1 марта 1941 года Особое совещание при НКВД СССР, протокол № 25, постановило: «Вейцмана Зельмана Матусовича, как социально-опасный элемент, заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет». На документе имеется пометка – «Воркутпечлаг» [Л.д.56], то есть, «билетному решале» Вейцману оформили «билет» в районы Воркуты и Печоры. Там он имел реальный шанс встретиться с теми, кого отправляя в западные районы страны и кто наивно думал добраться до покинутых в лихую годину родных мест, а смог попасть только в тюрьмы да лагеря за попытку бегства из «пролетарского рая».

29 мая 1989 года Вейцман З.М. был реабилитирован [Л.д.59].

Послесловие

После событий сентября 1939 года на территории Кировоградской и ряда соседних областей скопилось определённое количество переселенцев и беженцев с территорий Украины, ранее оккупированных Польшей. Некоторые из этих людей были арестованы органами НКВД и осуждены по ст.54-10 УК УССР за т.н. «антисоветскую агитацию и пропаганду». «Пропаганда» на самом деле была попыткой сравнить условия проживания простого человека на территории СССР и за рубежом. И это сравнение оказывалось далеко не в пользу «государства рабочих и крестьян», что, тем не менее, почти 100% гарантировало длительные сроки заключения для пытавшихся наивно сравнивать.

Массив прекращённых следственных дел в областных госархивах и в архиве СБУ в отношении перемещённых лиц и беженцев из Польши есть ценным источником сведений о событиях и фактах того периода. В нём, кроме того, можно отыскать и документы личного происхождения: письма, фото, различного рода правоустанавливающие и имущественные документы и т.п., которые могут и должны открыть перед учёными-историками и любителями прошлого значительный массив новой информации.

Указанный аспект начала Второй мировой войны ждёт своих исследователей!

Авторы будут рады, если данная книга обозначила новые темы в исторических дискуссиях о тревожном прошлом, без понимания которого сложно разобраться и с настоящим.

Afterword

The well-known events of September, 1939, have resulted, among other things, in amassing of a certain number of refugees from former Ukrainian territories, then occupied by Poland, in Kirovograd and other neighbouring provinces of Ukraine. Some of those people were arrested by the bodies of NKVD (the USSR Internal Affairs Ministry) and sentenced according to article 54-10 of the Penal Code for the so-called “anti-Soviet agitation and propaganda”, which on practice was an attempt to compare the living conditions of an ordinary man in the USSR and abroad. The comparison was not always in favour of the “state of workers and peasants”, which fact, nonetheless, bore an almost 100% guarantee of a long imprisonment in labour camps for those who innocently compared.

The fund of revoked criminal cases in provincial archives and in the Security Service of Ukraine archive, concerning displaced persons and refugees from Poland is a valuable source of data on events and facts of that period. Besides, private papers like letters, photos, different law and property documents may be found in it, which might and must uncover a considerable stratum of new information for history scholars and amateurs.

This aspect of the beginning of WWII is awaiting its researchers!

The authors will be glad to know if this book has road-mapped new vistas of historic discussions, concerning a troubled past, without understanding which it is difficult to deal with the present.

НАУКОВО-ПОПУЛЯРНЕ ВИДАННЯ

**Бабенко Олег Олександрович
Білоус Віктор Борисович**

БЕЗВІЗ-39

російською мовою

**Бабенко Олег Олександрович
Белоус Виктор Борисович**

БЕЗВИЗ-39

на русском языке

Редактор:
Оксана Бабенко

Коректори:
Надія Рябоконь, Дарина Третьак

Верстка та обкладинка:
Вячеслав Сорокін

*Видання здійснене за сприяння
Міжнародної громадської організації
«Міжнародний Орден «Пріорат лицарів Архангела Михаїла»*

*У книзі використано архівні матеріали
з фондів Державного архіву Кіровоградської області*

Підписано до друку 26.05.2018. Формат 45х64 1/16
Папір офсет. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 12,1
Зам. № 02/05. Наклад 300 прим.

Державний архів Кіровоградської області
25030, м. Кропивницький, вул. Академіка Корольова, 3
тел.: (0522) 37 31 95